

22110

158

me
33141

Baker. N. 129.

peg up

26870 22110 .у 5р
N 414 300

РУЧНАЯ КНИЖКА
ЧЕЛОВѢКА И ГРАЖДАНИНА.

ИЛИ
РАЗСУЖДЕНІЕ О ДОЛЖНОСТЯХЪ
ОБЩЕЖИТІЯ.

Съ дозволенія указнаго,

Въ Санктпетербургѣ,

Въ Типографіи Савинкова.

1805 года.

50к

Кемеровская
областная библиотека
основной фонд

232713

01150

NOV 19

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

1911

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

1911

LIBRARY

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY

50K

— * — * — * — * — * — * — * — * — * — * — * — * —

РУЧНАЯ КНИЖКА

О

ЧЕЛОВѢКЪ.

Миръ сей существуетъ — необходимо должно въ немъ быть непримѣняющемуся во всѣхъ его частяхъ согласію. Надобно, чтобъ всѣ бытія, до послѣдней малѣйшей лвари, въмѣлчайшемъ соупникѣ Сатурна существующей, подвластны были сему первобытному согласію, установленному отъ самаго Бога, начала всѣхъ и всего благоустроенія и порядка.

Человѣкъ бытія своего не есть пворецъ, а потому признательность и самое врожденное въ немъ повиновение, побуждающъ его пасть въ покорности духа, къ неведущимъ спонамъ Бога, непоспимымъ своимъ провидѣніемъ объемающаго міры и живошворяющаго на-

селяющія ихъ существа, которыхъ безчисленность и разнообразность съ виною ихъ пребыванія и порядкомъ ихъ зарожденія, перемѣненія и превращенія опъ понятія челоѳъческаго сокрыты.

Человѣкъ во всѣхъ своихъ нуждахъ, слабостяхъ и дѣйствіяхъ самъ себѣ одинъ безъ помощи удовлетворить не можетъ, а сіе доказываетъ, что онъ сотворенъ съ нѣмъ и поставленъ въ той цепи порядка, что бы жить въ обществѣ, раздѣляя съ подобными себѣ всѣ труды, заимствовать опъ нихъ и взаимно имъ помогать.

Человѣкъ самъ себя любитъ, и должно, что бы онъ побуждаемъ будучи самолюбіемъ (чувствованіемъ добро и зло намъ причиняющимъ) сохранялъ первоначальное согласіе, въ томъ маломъ кругѣ, гдѣ онъ дѣйствуетъ; а сіе частное согласіе составляетъ для него естественный уставъ, или ему свойственное природное законоположеніе.

Я чувствую, чую вѣчныя устави соединяють меня съ Богомъ и человѣками, я старался ихъ понять, и нахожу внутреннимъ для себя удовольствіемъ, тѣ самыя устави предположивъ основаніемъ всей нравственности, которая болѣе принадлежить къ человѣческому роду, нежели къ другому какому дыханію.

Естественно я сотворенъ миролюбивымъ: но я самъ себя поставилъ закономъ: не стыдись себя нарушеніемъ сего врожденнаго во мнѣ блага: будь всегда полезнымъ моимъ согражданамъ, не пребуя отъ нихъ благодарности; терпишь несправедливую хулу, нужденіе и завистью раждаемое осмѣяніе, но никогда никого не хулишь, не осуждаешь, не осмѣиваешь, а колыми паче и того менѣе пишаешь злобу и ненависть.

О человѣкъ? обитатель малой планеты земли, не воображай себя, что ты столько же разуменъ, какъ и тѣ бытія населяющія средоточіе твоей системы:

онѣ лучше можетъ бытъ имѣють составленіе пружинъ въ своемъ усироеніи; размышляй только о томъ, что ты брошенъ на точку пространства вселенной обожать непостижимое существо, съ благоговѣніемъ удивляться премудрымъ его твореніямъ, повиноваться ушавамъ на сердцѣ швоемъ, швоимъ создашедемъ начершаннымъ, и наконецъ не разсуждашь, а бредить о первоначальныхъ причинахъ, всѣхъ слабыми швоими глазами видимыхъ дѣйствій.

Малѣйшія пресмыкающіяся творенія, подѣ именемъ человека — вы — носимые дыханіемъ на сей точкѣ пространства, землею называемой, воззрите на безчисленное множество міровъ васъ окружающихъ, и гордитесь по томъ своимъ существомъ — если столько дерзости въ себѣ ощущаетъ — падите ницъ предъ непостижимостію — и молчите.

Человѣки, живущіе въ снѣгахъ подѣ горячимъ поясомъ, или въ мѣстахъ вѣчнымъ льдомъ покрытыхъ, мучимы буду-

чи всегда или несноснымъ жаромъ, или нестерпимою спущею и имѣя окрестъ себя почти мертвую природу, имѣюще всегда нравъ самый жестокий, законоположенія и всѣ успавы и обычаи самыя грубые и безчеловѣчныя, а по тому и заключить можно, что климатъ великое имѣетъ на свойства человѣка вліяніе. Но что есть человѣкъ между всѣми живошными на нашемъ шарѣ или почкъ споль великую роль играющій?

Высокоумозрипельный Платонъ и добродушный Плутархъ, въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ обрисовывали человѣка нѣсколькими чертами, но всѣ ихъ толкованія, не что иное суть какъ одни только начерпанія никакого точнаго опредѣленія не ознаменовавшіе.

Маркъ Аврелій могъ бы написать предлагаемую каршину, но книга его о человѣкѣ составляетъ одно неполное собраніе высокихъ его мыслей; въ чемъ и обвинять его не должно. Сей великій человѣкъ былъ занятъ швореніемъ

щастія для разумныхъ пварей ; она болѣе всего искалъ способовъ содѣлать челоуѣка щаспливымъ , а исполковавъ его бытіе, оставилъ потомству.

Монтанъ лучший можетъ быть писатель, копорый подалъ намъ яснѣйшія понятія о челоуѣкѣ. Онъ имѣя въ рукахъ философическій Зонъ вникалъ въ малѣйшіе изгибы челоуѣческаго состава, и его сердца , онъ позналъ челоуѣка ;— но что удерживало его изъяснить намъ о немъ подробно ? неизвѣстно ; всѣ его испытанія изъясляютъ великій его духъ, но сочиненія его представляютъ поукмо оптимѣнное собраніе заглавій, или лучше сказать начало проспраннаго и великолѣпнаго зданія , первоначальнаго кольца цепи существъ касающагося.

Поле и Шастербюри разбирали челоуѣка, но только для того , чтобы погрузить его послѣ въ глубокое предразсужденіе, что все къ лучшему, такъ какъ Лейбницъ воздушное свое зданіе

основывалъ на монадахъ или часпицахъ почти невидимыхъ.

Ричардсонъ , предъ всѣми послѣдовапелами разныхъ ученій имѣлъ лучшую способность исполковать человѣка самымъ еспешственнымъ образомъ; попомство сожалѣтъ будетъ долго , чпю сей славный мужъ вмѣсто того, что бы издатъ съ неперпѣливостію желанное повѣспованіе о человѣкѣ , написалъ только Романъ Кларисы. Хотя Клариса и Телемакъ суть превосходнѣйшія предъ всѣми вышедшими изъ рукъ челоѣческихъ повѣспи, но онѣ недоспапочны ко удовольствованію любопытства знать: что есть человѣкъ.

Мариво также писалъ о сей многотрудной загадкѣ , и боже всѣхъ приподнялъ завѣсу покрывающую отъ нашего понятія челоѣка. Сквозь тонкіе и высокіе его замыслы и холоднокровное его изчисленіе видѣтъ можно глубокомысленнаго изслѣдовапеля еспешственныхъ непоспжимостей, но къ сожалѣнію

не доставало въ немъ вкуса и смѣлости, что бы сдѣлаться самымъ лучшимъ живописцемъ человѣческаго рода.

Сочинитель Эмиля Жанъ Жакъ Руссо, достойный человѣкъ своими дарованіями и своею душою, принудилъ насъ сожалѣть о тѣхъ благодѣтеляхъ, славившихся вѣкахъ, когда въ полномъ своемъ сіяніи существовали Аѳины и Римъ. Сей знаменитый мужъ, вель человѣкъ, отъ самой его колибели до юношескаго возраста, и кто бы могъ лучше его довести, имѣя свѣтилникъ природы въ рукахъ, до самой той минутой, когда онъ низходитъ во гробъ.

Если Эмиль ни что иное оспался, какъ дитя, то винить должно, глубоко въ насъ вкоренившееся суевѣріе, которое спранилось быть обижено и совершенно истреблено, когда бы дозволено было дойти ему до возраста совершеннаго человѣка. Сожалѣть оспается, что мы еще въ такихъ временахъ, гдѣ вольность мыслей, и на самомъ здоровомъ

разумъ, основанное разсматриваніе дыпу-
щихъ твореній ограничивается предраз-
сужденіемъ, а паче суевѣріемъ, злѣйшими
врагами челоуѣка, копорыя держа его во
узахъ невѣжества и грубости, заплѣва-
ють въ немъ и тѣ божественныя силы
и слабости, копорыми онъ могъ бы оп-
лчаться опъ несмысленныхъ скоповъ,
нечувствующихъ своего сущестованія.

Волтеръ, Графъ Бюфонъ и безсмер-
тный Гельвецій разбирали челоуѣка,
но всѣ ихъ изслѣдованія, толкованія и изъ-
ясненія, славу вѣчную имъ пріобрѣтшія,
показываютъ великость ихъ духа и оп-
тѣннаго дара, производишь начертаніемъ
своимъ плѣняющія умъ и сердце краски
и тѣни; но существительнаго исполко-
ванія: что есть челоуѣкъ, и какія при-
чины его составленія, суть слѣдствіями
преїмуществъ его, предъ прочими
дыханіями; они намъ не доставили. Лег-
ко быть можетъ, что и сіи проницате-
льные и рѣдкіе разумы встрѣчали тѣже
самыя препоны, копорыя всегда почи-

тались и почипашься будущь до тѣхъ поръ совершеннымъ зломъ для всякаго здравомыслящаго, пока наконецъ напряженіями своими Философія не распорганешъ гибельной и ядоносной завѣсы суетвѣрія, предписывающаго смертнымъ недостойные Бога и человѣка законы. Позднѣйшимъ попомкамъ сіе божеспвенное услажденіе предоспавлено; но не намъ—нынѣ пресмыкающимся во тмѣ невѣденія.

Мы тольکو что знаемъ, да и то не совершенно, что у младенца сплетеніе жилочекъ весьма нѣжно; что онѣ свободнѣе приходящъ въ потрясеніе, и по тому младенца малѣйшій предметъ занимаетъ, но никакъ онъ не способенъ къ сильнымъ приспраспіямъ. Въ возмужаломъ возраспѣ тѣже самыя жилы спановящъ шверже, движеніе ихъ рѣже, но сильнѣе. Тогда то означающъ великіе духи и свойства. Тогда Монпескю швореніемъ духа законоположеній безсмертную славу и удивленіе заслуживаетъ; тогда Цесарь плачетъ надъ спашуею Але.

сандра. Въ старости жилы лишаются своей мягкости, нѣжности и гибкости, страсти теряють свою силу и сердце, уже не чувствуемъ пріятныхъ возбужденій, перемѣнъ, стремленій и утѣшенія. Все долготѣшемъ умерщвляется, жизненные соки иссыхаютъ, жилки, перепонки, сѣточки, мышцы, сосудцы твердѣютъ, спягиваются, закрываются, живодапельная влажность исчезаетъ; все гибнетъ, все лишается силъ; кровь теплоту свою теряетъ, составы ея смѣшиваются, движется очень тихо, и наконецъ къ сердцу вся спекается, сгущается, оспанавливается, дыханіе пресекается, члены охладнѣютъ, существованіе человѣка исчезаетъ. Вотъ тѣ шаги, которыми конецъ бытія, или смерть, къ самому благодѣнственную и безболѣзненную жизнь, ведущему старику приближается; и низвергаютъ его въ нѣдра земли; части его изтребляются и память о немъ погибаетъ. Блаженъ тотъ, кто съ покойнымъ духомъ разрушеніе свое видитъ.

Любопытство мое узнать , что есть человекъ? лишало меня покою , вопрошала я о сей мудрой загадкѣ многихъ просвѣщеніемъ украшенныхъ мужей , но они мнѣ сполько же ясно , ошборными словами и хипросплетенными изрѣченіями полковали о человекѣ, какъ и по великое множество сочиненій, которое я пробѣжала, лаская себя надеждою дойти до своего предмета , но безъ малѣйшаго удовольствія оспавался при мучительномъ своемъ невѣденіи. Въ одинъ день случилось мнѣ зайти въ книжную лавку , книгопродавецъ разбирая вновь полученныя имъ книги, подалъ мнѣ одну посмотришь, я развернувъ ее увидѣлъ слѣдующія слова:; смерпный! ты весь ма слабъ проникнуть въ невидимую связь всѣхъ пружинъ , составляющихъ человека , и поспигнуть по высочайшее совершенство во взаимномъ согласіи всѣхъ часпищъ, коихъ слѣдствія дѣйствій одни зримъ , но причины и образъ ихъ движеній закрышы завѣсою непоспигимос-

ти.,, Сіе меня до чрезвычайности удивило, пѣмъ болѣе, что оно совершенно согласовалось съ причиною моего безпокойнаго исканія. Я сію таинственную книгу купя, еще развернулъ и еще болѣе въ изумленіе приведенъ, прочитавъ новое изъясненіе: во всѣхъ метафизическихъ изысканіяхъ должно ограничивать свое любопытство, и говорить: сіе существуетъ, но что оно есть? Какъ? и для чего? всегда будетъ камнемъ претѣканія для всѣхъ философовъ: по тому что, съ нашими пятью чувствами и съ нашимъ слабымъ понятіемъ, не дано намъ проникать въ самую силу существъ. И сколько бы мы ни старались дойти до совершеннаго познанія сихъ великихъ тайнъ, всегда останемся безъ малѣйшаго удовлетворенія непрерывнымъ нашимъ стремленіямъ въ изслѣдованіи сокрытаго. Не лучше ли оставаясь въ покоѣ мыслей, исполнять свято возложенныя самою природою на насъ должности человѣка, быть добро-

дѣшельну , помогаѣ ближнему . удивляясь и обожая создавшаго вся съ такою непостижимою премудростію... Сии истинны успокоили меня, и я оставя желаніе разбирати чловѣка , стараюсь узнать его составленіе и дойти до яснаго понятія о силѣ въ немъ , съ такою удивительною и непонятною скоростію дѣйствующей , рѣшился искать познанія только до качествъ и его способностей касающагося. Таже самая книга, яко просвѣщенный мой пупеводитель въ метафизическихъ царствахъ, говоритъ мнѣ , будь доволенъ слѣдующимъ. *Чловѣкъ есть бытіе чувствительное, размышляющее, разумное.* Бытіе чувствительное есть то , которое по естественности своей, составленію , образованію и по устройству всѣхъ своихъ членовъ и пружинъ, удобно чувствовать удовольствіе и ощущать боль , и которое естественною своею силою побуждается искать перваго и убѣгать послѣдняго. Бытіе размышляющее есть

то, которое предполагаетъ себѣ конецъ или цѣль, и которое, разсуждая и соображая, способно избирать средства къ достиженію своей цѣли и предположеннаго конца . Бытіе разумное есть то, которое испытавъ событіе съ нимъ перемѣнъ, получаетъ способность выбирать для себя лучшее, а потому избираетъ надежнѣйшіе самые средства и вѣрнѣйшіе пути къ достиженію желаемого имъ конца , или цѣли. Цѣль или конецъ спрасей, желаній и стараній человѣческихъ есть *щастіе*. Щастіе есть продолженіе удовольствій , или если удобно , непрерывное наслажденіе предметами нашихъ желаній. Мы имѣемъ тогда удовольствіе, когда мы получаемъ сердцемъ нашимъ требуемое. Непрерывное теченіе удовольствій, составляетъ щастіе или блаженство. Физическое щастіе весьма мало опъ насъ зависить, а доставить себѣ нравственное щастіе , разумный человѣкъ имѣетъ весьма надежные способы. Кажется, го-

вѣрятъ мудрые, что человѣкъ былъ бы постоянно щасливъ, если бы онъ постоянно былъ безъ желаній и спрасей, но бытъ безъ желаній и спрасей, такъ же возможно, какъ жить безъ головы. Человѣкъ спремится къ своему щасію, какъ камень или другая швердая матерія къ своему покою. Самое продолжительное и самое швердое щасіе, есть то, которое на истинномъ разсудкѣ основываясь, наиболѣе сходствуесть съ состояніемъ человѣка и соотвѣтствуетъ совершеннѣе желаніямъ его, по его круту, въ которомъ онъ дѣйствуесть. Человѣкъ по естественности своей долженъ стараться себя сберегать и снискивать себѣ удовольствіе, а убѣгать всего того, что только можетъ вредить его существованію или содѣлать оное тягостнымъ. Изъ чего слѣдуесть, что человѣкъ долженъ дѣлать разборъ въ своихъ удовольствіяхъ и почищать благомъ только то, что безвредно его бытію въ наступающемъ времени, или

слѣдствіями своими впредь произойти
могущими и отдаленными. Чпобъ о-
берегашь или сохранять себя, и чпобъ
наслаждаться точно щастіемъ, чело-
вѣкъ обязанъ помнитъ всегда то, что
онъ живетъ въ сообществѣ съ чело-
вами тѣже желанія, тѣже спрасни
и тѣже удовольствіе и отвращеніе
имѣющими какъ и онъ. Здравой раз-
судокъ покажетъ ему, что для содѣ-
ланія собственнаго своего щастія, онъ
обязанъ спараться о доставленіи ща-
стія тѣмъ, въ коихъ онъ нужду имѣетъ
для своего собственнаго щастія.
Изъ всѣхъ бытій нужнѣе всего че-
ловѣку, чело-вѣкъ. Желать щастія,
есть любить то, что сходственно
благу нашего бытія, что можетъ со-
дѣлать существованіе наше пріят-
нымъ и успѣшительнымъ. И такъ че-
ловѣкъ по естеству своему долженъ
не только любить одного самаго себя,
но и все то, что способствуетъ
его щастію. Изъ чего и слѣдуетъ не-

Б

предложное правило, для собственной своей пользы и выгоды: люби ближняго твоего, какъ самъ себя, какъ содѣлателя твоего щастія. Любишь другихъ, есть любишь способы доставляющіе намъ собственно щастіе, и желать сохраненія ихъ благосостоянія, для того что наше собственное благосостояніе съ тѣмъ сопряжено. Каждый человѣкъ разнообразно поставляетъ цѣль своего щастія; но рѣдкій находить его въ совершенномъ спокойствіи духа, а онъ въ семъ по блаженномъ состояніи и обитаетъ. Перемена желаній по исполненіи ихъ, перемѣняетъ и ту точку, въ коей щастію нашему быть предполагаемъ. Человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣяніяхъ, мысляхъ, спрашяхъ, желаніяхъ одно только свое собственное щастіе предметомъ имѣетъ. Онъ дѣлается спрашнымъ къ бытіямъ своего рода для того только, что онъ въ томъ находить удовлетвореніе собственному

самаго себя любленію. Пока онъ внимаетъ гласу безпристрастнаго и просвѣщеннаго своего разума, то и приближается твердою ногою къ своему постоянному благополучію ; но какъ скоро начинаетъ быть самъ себѣ вредоноснымъ, то есть располагать своимъ поведеніемъ и дѣяніями въ противоположность совѣщовъ здраваго разсудка, то сожалея о немъ заключить должно, что онъ ошибается, что ложной блескъ воображаемаго щастія сводитъ его съ истиннаго пути , что разумъ его не въ должномъ порядкѣ или не просвѣщенъ столько, чтобы могъ пропавитъ-ся силѣ спрасней , влекущей его къ развращенію, стыду и самой гибели. Ни на одну минушу въ своей жизни человѣкъ не разлучается самъ съ собою : онъ никогда не теряетъ себя изъ виду. Все что онъ ни предпринимаетъ, что ни дѣлаетъ, все на шотъ единой конецъ, чтобы доставить себѣ какое-либа добро, (не рѣдко и пустое)

или чѣмъ избѣжашъ зла и вреда. Когда онъ зло предпочитаетъ добру, то сіе бываетъ отъ того, что онъ самое зло принимаетъ за добро. Когда онъ отрекается отъ удовольствія предстоящаго, то сіе для того, что онъ имѣетъ въ виду гораздо большее и сильнѣе его прельщающее, коимъ надѣется по маловременному спрда- нію непременно пользоваться. Благо- разуміе ни чѣмъ иное естъ, какъ съ здравымъ разсудкомъ согласное распо- ряженіе своей пользы дальновидностію осіяваемой. Спраси, въ своемъ непо- врежденномъ состояніи, изыщны и не- обходимы для человѣка; они и желанія, такъ какъ воздухъ, нужны для его сох- раненія, для его оживленія, утѣшенія и его щасія. По несвѣденію сея истинны многіе нравоучители надѣлали тѣмъ сухихъ правилъ и неисполнительныхъ предписаній. Они щитаю, будто спраси всегда бѣдсвенны челѣку и будто они безпрестанно проши-

взялся его благоденствію , вдумали
изпроблять ихъ изъ сердець человѣ-
ческихъ, совѣшя имъ холоднымъ обра-
зомъ ничего не желать. Сии смущенные
учители не увѣрены въ томъ , что
моральная нечувствительность, подъ
именемъ *Апатіи* , то есть отъ всего
отвращеніе, ни къ чему непревзвизан-
ность, ничего нежеланіе , совершен-
ное погашеніе страстей, не сотворена
для человѣка ; томъ кто ее ищетъ,
есть безумный; кто говоритъ , что
ее нашелъ есть обманщикъ; совершен-
наго спойка нѣтъ въ существѣ , или
онъ долженъ быть чудовищемъ. Хо-
тѣтъ ничего не желать , ничего не
чувствовать, ничего не любить , ни
что иное есть какъ хотѣтъ въ ничто
быть превращенну , быть погребенну
въ продолженіе самой жизни. Стран-
наго ученія толкователи не вѣдали
того, что страсти въ человѣкѣ раж-
даются отъ нужды , что безъ желаній
человѣку быть не можно , что они

возбуждаютъ въ немъ стараніе о его
сбереженіи , о его щастіи , что они
дѣйствуя согласно съ истиннымъ раз-
судкомъ надъ нашими чувствованіями ,
приводятъ насъ въ то желаемое со-
стояніе, которое блаженствомъ почи-
таемъ. Безъ спрасей человѣкъ былъ
бы несчастнѣйшее бытіе; мучительная
скука , гибельная недѣятельность ,
умерщвленные чувствованія составили
бы существованіе его несноснѣйшимъ
бременемъ. Человѣкъ такъ составленъ,
чтобъ ему всегда желать и когда онъ
получаетъ желаемое , въ тожъ самое
время долженъ онъ искать новаго пред-
мета и вновь желаетъ , а безъ сего
духъ его впадетъ въ несносную том-
ность, ядоносную скуку и не дѣятель-
ность, то есть въ состояніе самое му-
чительное и самое бездѣльное. Пред-
лагаемый здѣсь примѣръ послужитъ къ
утверженію сего истинны. Голодъ
есть свойственная нужда природѣ че-
ловѣческой; слѣдственно человѣкъ дол-

женъ желать его удовольствоваться. Онъ наслаждается удовольствіемъ или скоротечнымъ щастіемъ всякой разъ, когда онъ доставляетъ себѣ пищу сходственную его вкусу, то есть составленію его неба и языка. Благосостояніе человѣка продолжается, если принятая имъ пища не беспокоитъ при томъ его желудка. По удовольствованіи сея нужды, чрезъ нѣсколько времени желаніе возобновляется, нужда сія вновь рождается. Можно ли назвать человѣка несчастливимъ потому только, что онъ подверженъ голоду, который, по образу состава человѣческаго, рождаетъ желанія, кои во всю жизнь будутъ и должны непрерывно въ немъ возобновляться? Въ человѣкѣ не только, что нужда себя питать по необходимости возобновляется; но еще по естественности своей долженъ онъ желать переменъ въ своей пищѣ. Что бываетъ въ одно время ему приятно, то въ другое становится ему против-

нымъ. Всегдашнее употребленіе однихъ яствъ, хотя бы они самыя лучшіе были къ удовольствованію его желанія, производить къ нимъ обратеніе; вкусъ его прищипляется; то и потребна ему или перемѣна или приправленіе, чтобъ возбудить чувствительность частицъ языкъ и небо его составляющихъ. Сухой хлѣбъ съ водою бываетъ пищею для бѣднаго земледѣльца, въ которомъ всегдашній трудъ и всеневная работа производятъ голодь и одною сею прдскою пищею удовольствоваться могущій. Но для роскошнаго богача, у коего небо потеряло всю свою щекошдивость. остроту, нѣжность, какое множество потребно перемѣнныхъ яствъ! для того что онъ не работая напряженными силами, гдался въ роскошную нѣгу, потерялъ вкусъ, предался прихотямъ, которыя иногда спешорятъ ему и дверь гроба. Хотя голодь есть нужда самая естественная, шажъ какъ и

желаніе его удовольствоваться, но опытность даетъ чувствовать человѣку, сколько опасно для него слѣдовать безъ воздержанія побужденію или позыву на пищу слѣпаго желанія. Она его увѣряетъ, что должно употреблять пищу съ умеренностію, что надобно дѣлать въ ней разборъ, вкушать только ясныя, кои болѣе вкусу пріятны, и при томъ смотрѣть прилѣжише, чтобы сіе минувшее наслажденіе не причинило бы послѣ продолжительной вредности и самой болѣзни. Сими образомъ довольствуясь человѣкъ свою нужду, поступаетъ благоразумно, и пожертвованіемъ скоротечнаго удовольствованія преобрѣтаетъ продолжительное счастье пользоваться всеми пріятностями совершеннаго здоровья. Сей примѣръ досадоченъ быть можетъ ко утвержденію нашихъ понятій, какія мы имѣть должны о нуждахъ, страстяхъ, желаніяхъ и счастьи человѣка, Всѣ эти побужденія суть для него самыя

сущесвишельныя и свойсвенныя его природѣ. Истреблять ихъ или прошивишься естъ крайнее безуміе. Ничто не можешь опиять у человѣка его нужды, погасить его спраспи, уничтожить его желанія. Здраваго разсудка естъ дѣло управлять ими образомъ магущимъ доставить человѣку прочное и надежное щаспіе. Все намъ ощушительными опытами доказываешь, что свойсвенно человѣку желать перемѣнь, что органы наши весьма подвержены прищупленію, слабостямъ, безсилію, и что перемѣненіе чувствованій нужно бытію дѣйствующему, мыслящему, разбирающему, котораго и все чудесное и непроницабельное составленіе подвержено непрерывнымъ перемѣнамъ и измѣненію. И такъ явствуетъ, что человѣкъ для доставленія себѣ щаспія, долженъ имѣть спраспи и желанія, и что удовольствованныя его желанія должны быть послѣдуемы новыми желаніями. Чело-

вѣкъ неимѣющій чего уже желать, или получившій все по вдругъ во всей полноснѣ, что только возмогъ бы пожелать, было бы бытіе самое нещастнѣйшее. Ни чего бы для него не было мучительнѣе, какъ бытіе внѣ возможности ожидать еще какого-либо прибавленія къ своему щастію. Въ сѣмъ торжественномъ положеніи видимъ мы челоуѣковъ достигшихъ, или лучше скажемъ слѣпымъ случаемъ возведенныхъ на высочайшую степень чести, знатности, могущества, богатства: упоающихъ во всѣхъ изощренномъ вкусомъ изобрѣтаемыхъ роскошахъ, удовольствіяхъ и сладострастныхъ нѣгахъ. Сіи возлюбленнѣйшіе щастія чада теряя напряженность воображенія, теряютъ нѣжную щекотливостъ чувствованій, дѣятельностъ самыхъ чувствъ, лишаются всѣхъ силъ, желаній, вкуса, побужденій, скучаютъ, помяются, сползутъ въ позлащенные черпюгахъ и запыленные одежды. Сіи блес-

пьяніе свѣтомъ фосфора кумиры, при
всѣхъ чинимыхъ имъ подлыми душами
колѣноприклоніяхъ, спокрапъ несчаст-
іе, въ посредственномъ состояніи,
подъ тѣнью тихой и спокойной добро-
дѣтели благоденствующихъ мужей,
взирающихъ на сіи лучезарные водяные
пузыри, на сіи воздушные Монголфіе-
ровы шары равнодушнымъ и незавид-
ливымъ глазомъ, такъ какъ на явленія
блеснувши мгновенно исчезающія.

Цѣна шастіе возобновляется пере-
мѣною способовъ, видовъ и самой жела-
тельности. Всякое удовольствіе, вся-
кое утѣшеніе требуетъ быть послѣ-
дуемому новымъ удовольствіемъ, но-
вымъ утѣшеніемъ, сильнѣйшимъ и жи-
вѣйшимъ прежняго. Ежели же се-
нѣтъ, то мы настоящее удовольствіе
сравнивая съ прошедшимъ, находимъ
недостаточнымъ, слабымъ, опврапи-
тельнымъ. Когда пріятности и заба-
вы истощеваютъ свои силы надъ нами,
то мы ищемъ другихъ, не находя же

ихъ, почишаемъ себя несчастными. Мы жалуемся и обвиняемъ природу, что она такъ немилосердо поступаетъ, но не обвиняемъ себя, будучи сами слабыми своимъ причиною и не берегая ни мало тѣхъ самыхъ силъ, въ довольствѣ намъ данныхъ, кои доставляютъ намъ наше щастіе. Вошъ истинный источникъ скуки, пирана государей, вельможъ и богачей. Они часто несчастливы отъ того, что непосредственно слѣдующее за всегдашнимъ непрерывнымъ и безпрерывнымъ всѣхъ родовъ услажденіемъ, совершенное отъращеніе прищипываетъ ко всему такъ ихъ вкусъ и стремленіе, что ничемъ уже почти исправить того невозможно. Таковы суть плоды расточителей своихъ силъ при неумѣренныхъ удовольствіяхъ.

.. Не думаете ли вы, что короли властители, вельможи, богачи наслаждаются лучшимъ и сладчайшимъ щастіемъ, нежели прочіе смертные? Напро-

пивъ: они намъ не показываютъ того, что происходитъ на ихъ театрѣ за завѣсою; но разсужденіе проникающую ясно видитъ, что большая часть изъ нихъ имѣя духъ весьма слабѣе, нежели ихъ санъ пребуешь, воздыхаешь чаще земледѣльца, и спраждуешь болѣе, нежели человекъ пипающій себя руководѣлемъ. Нѣтъ нужды бытъ ни королемъ, ни обладашелемъ земли, ни знатнѣйшимъ бояриномъ, чтобы наслаждаться полнымъ щаспіемъ. Каждому человеку дано бытъ щасливымъ въ его кругѣ: устройство щаспія почто зависишь отъ самаго человека.

Каждый человекъ можетъ доставить себѣ щаспіе въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ, въ тѣхъ обществахъ, кои онъ учащаетъ. Если желаетъ онъ, чтобы его жена, его дѣти, его родственники, его друзья, его служители составляли ему его благоденствіе, то долженъ онъ чувствовать, что самая истинна отъ него пребуешь, чтобы онъ своимъ соб-

спвеннымъ добродѣтельнымъ поведеніемъ возбуждалъ ихъ къ содѣланію желаемаго имъ блага , и ко исполненію его желанія. Все ему доказываетъ , что любовію привлекается любовь , что добросердечіе, добрая вѣра, вѣрность, правость, благодѣянія, снисхожденіе, состраданія, попеченія , готовость на помощь, искренность даютъ ему право надъ сердцами человѣческими , и что то самое благо , которое онъ доставлять будетъ окружающимъ его чловѣкамъ, сугубо возвращается и на него самого. Изъ чего и слѣдуетъ , что для постановленія спокойнаго семейнаго счастья , каждый чловѣкъ долженъ быть отецъ попечительный, мужъ вѣрный и нѣжный, сынъ тихій и покорный , другъ искренный , господинъ справедливый и снисходительный; правосуденъ ко всѣмъ , сострадателенъ и благодѣтельствующій. Однимъ словомъ все намъ неоспоримо утверждаетъ , что нѣтъ счастья безъ добродѣтели ,

что она лишь одна составляет общее и частное истинное блаженство. Благодарение неусыпному нашему воображенію, порядочное печеніе умѣреннаго утѣщенія, удовольствія щастія, намъ скоро наскучаетъ и становится нечувствительнымъ, холоднымъ и отвратительнымъ, и по тому необходимость родилась, что бы оно непрерывно перемѣнялось и живѣе бы и сильнѣе дѣйствовало, отъ чего вкусъ оживляется, и чувствительнѣе становится тоже самое услажденіе новостію переодѣтое. Сіе-то и есть главною виною, что мы состояніемъ своимъ наспоющимъ не довольны, ищемъ безпрестанно щастія и его не находимъ, и можно ли его найти, когда при первомъ шагѣ въ щастіи мы уже имъ не восхищаемся, не чувствуемъ его всей цѣны и теряемъ жаланіе имъ наслаждаться. Все что отъ насъ удалено, сокрыто, и уже любопытство въ насъ рождаетъ лучшіе прелести

покажетъ большія совершенства, обѣщаешь и производишь въ насъ неперпѣливое желаніе шуть неизвѣстнымъ благомъ влаѣшь. Отъ того мы и нещасливы, что безпрестанно желаемъ быть щасливыми, гоняемся за шѣнью, упуская изъ рукъ настоящее щасіе. Смертный! будь доволенъ своею участью, будешь наслаждаться щасіемъ непремѣнно.

Ф И Л О С О Ф Ъ.

Сколько я ни разсматривалъ древнихъ и новѣйшихъ ученыхъ мужей разсужденія, положенія и опредѣленія, что есть точно философія? Нигдѣ не нашелъ яснаго объ ней познанія; всѣ говоряще прилѣпившись къ Греческимъ славамъ: философія есть любленіе мудрости. Но что такое самая мудрость? и въ чемъ главнѣйшая ея сила

состоитъ ? никто мнѣ не изъяснилъ. Иные мнѣ говорятъ , что мудрость есть свойство изощреннаго ученіемъ , олытностію и самою природою разума , управляющаго нашими дѣянїями сходственно съ согласіемъ установленнаго предвѣчною силою порядка между бытіями. Другіе утверждаютъ , что мудрость есть слѣдствіе или дѣйствіе разума , естественно отмѣнно разположеннаго , науками просвѣщеннаго и самыми олытами утвержденнаго такъ , что одна истинна совершенная ему во всемъ сотовариществуетъ. При всѣхъ сихъ изполкованїяхъ я мало понималъ точно , что есть мудрость ? И такъ рѣшился оставить при своемъ простомъ мнѣніи о философіи, то есть: можно быть я и ошибаюсь, а мнѣ кажется, что истинная философія состоитъ въ томъ , чтобы устанавливать точное равновѣсіе между спрашьями , столь нужными для человѣка , а не умерщвлять ихъ

прошивными здравому разсудку способами: полагать свое блаженство во блаженствѣ общества и ближняго особю, испреблять въ себѣ наклонности къ порокамъ, быть совершенно добродѣтельному и самымъ дѣломъ оное исполнять, слѣдовать благоразумію сопровождаясь побужденіемъ къ пріятностямъ общежительства, и не умерщвлять чувствованій своихъ, отрицаясь отъ всего того, что можетъ утѣшить наше сердце. Философъ есть въ моихъ глазахъ бытіе превосходное, низпосланное на землю для изцѣленія смертныхъ отъ мучительныхъ язвъ злоключеніями сердцу ихъ причиняемыхъ для утѣшенія ихъ въ прискорбностяхъ, горестяхъ и слезахъ, и наконецъ для облегченія тяжести спраданій съ человѣческимъ существованіемъ нераздѣльных. Онъ есть духъ премудростию просвѣщенный; бытіе оптимистическое, поставляющее свое щастіе въ усовершеніи своего о всемъ понятія,

бытіе , которое не утверждаясь на ложномъ остроуміи ученостию и знаменитостию величающихся челоѣковъ, изыскиваетъ самую во всемъ истинну, средствами здравымъ разсудкомъ предписанными; съ полнымъ удовольствіемъ въ тишинѣ и молчаніи упражняется въ своей комнатѣ въ изобрѣшеніи способовъ къ изощренію своего познанія, въ приведеніи въ наилучшее положеніе и дѣятельность своихъ свойствъ и въ открытіи несвѣдомаго. Философъ знаетъ различать высокое правоученіе природы отъ неосновательнаго и вредоноснаго правоученія полиптиковъ и отъ жестокаго правоученія губительнаго суевѣрія. Онъ не вѣситъ на однихъ вѣсахъ погрѣшности , произшедшей отъ одной слабости челоѣческой, съ злоковарнымъ преступленіемъ; онъ старается просвѣщать родъ челоѣческій тихимъ и дружескимъ голосомъ ; проповѣдуетъ правду, не спрашая бытъ за то не-

пязуему, какъ за злодѣйское нѣкое у-
мышленіе. Но при всемъ помѣ учені-
емъ своимъ, премудрыми своими сочи-
неніями, истинную добродѣтель и
долгъ человѣка открывающими, не
подкапываетъ онъ основанія прона и
жертвенника. Онъ почитаетъ народ-
ныя предубѣжденія, находя и въ нихъ
общественную, сокрытую, опъ, прос-
тыхъ глазъ пользу: чпиптъ председа-
щихъ на судилищѣ; соображается съ
принятыми обрядами и обычаями, и
ни на что болѣе не употребляетъ
вольности своихъ мыслей, какъ на
единое увеличиваніе совершенствъ сво-
ихъ понятій и на утвержденіе спокой-
ствія окружающихъ его человѣковъ.
Онъ есть точно парящій орелъ, кото-
рый старается только сохранить ра-
вновѣсіе въ часпи воздуха имъ зани-
маемой, не думая ни мало исправлять
всю атмосферу, упишатъ свирѣпство
вѣтровъ и прескъ спрацныхъ громовъ.
Почитаніе всевышняго существа сос-

павляетъ сладчайшій долгъ чувствительной и благодарной его души; онъ симъ священнѣйшимъ пламененіемъ согрѣваясь, просвѣщается и возносится предъ всѣми въ смертоносномъ суетвѣрій уповающими. Когда разсматриваетъ законъ, то находитъ, что онъ есть средоточіе, въ копоромъ всѣ философическія истинны собираются, и послѣдуя ему, дѣянїями своими, не одною вѣрою его исполняетъ, признавая его за ту точку истиннаго свѣта, въ коей всѣ похвальныя спрастїи возжигающіяся и слабое и шомное человѣчество успокоеніе свое находитъ. Философъ разбираетъ безприспраснымъ образомъ уставы челоѣковъ, но почитаетъ опечесшвомъ установленныя и верховною властію ушвержденныя законоположенія. Лобызаетъ искреннимъ сердцемъ самодержавную десницу, блаженство и покой его и соопечесшениковъ наслаждающую, ходя пушемъ добродѣтели, правды и непорочности;

не спрашивая никого: любить и почитать своего государя, как своего отца, благодѣтеля и защитника. Философъ есть миролюбивѣйшій согражданинъ, чадолубивѣйшій отецъ, нѣжнѣйшій мужъ, вѣрнѣйшій другъ, покорнѣйшій сынъ, сострадательнѣйшій и готовѣйшій на помощь ближнему человѣкъ. Таковымъ философомъ каждому изъ смертныхъ быть должно. Такого совершеннаго и подражанія всѣмъ достойнѣйшаго человѣка ученіе есть членъ самой истинны, гласъ разума никакими предубѣжденіями не зараженнаго. Онъ всегда говоритъ устами правды и дружбы. Онъ по намъ скажетъ, что числѣйшій разумъ одобряетъ; слѣдующіе его изреченія достойны впечатлѣнны быть въ сердцахъ каждаго мыслящаго бытія: почто ты о! смертный дерзаетъ оспредѣлять Бога? приписывать ему тѣ свойства, кои твоему только бремену сосаву приличны и понятны?

Между тобою и Богомъ безконечное различіе. Кто тебѣ сказалъ, что онъ таковъ, какимъ ты его себѣ представляешь и именуешь? Извѣстно ли тебѣ, что онъ есть все не то, какъ ты понимаешь? Что Онъ будучи отецъ всѣхъ существъ тебѣ и несвѣдомыхъ, всѣхъ совершенствъ, всѣхъ непостижимостей, есть то, чего слабѣйшій твой разумъ вообразить не можешь? Ты еси совершенное ничто, а Онъ пренайсовершеннѣйше и неограниченное все, возможно ли, скажи мнѣ, единому дыханію постигнуть всегда прежде вѣкъ пребывавшаго и въ нескончаемую вѣчность пребывающаго. Послушай меня, мой братъ любезный, внемли моему дружескому совѣту, данную тебѣ въ весьма маломъ количествѣ способность понимать очень слабо и то, что въ швоемъ кругѣ существуешь, измѣняется, превращается и отъ твоихъ глазъ уходитъ, не успѣвая на тщетное прониканіе того,

что отъ своего умозрѣнія и пости-
жимости ужасно удалено; постарайся
обращать ее на содѣланіе себя полез-
нымъ и любезнымъ окружающимъ тебя
подобнымъ себѣ бытіямъ. Еще скажу
себѣ: повинуйся, молчи, обожай и не
умствуй. Одинъ ученѣйшій человѣкъ,
просвѣщенными своими сочиненіями
прославившійся въ нашемъ вѣкѣ и
долговременнымъ испытаніемъ еспесп-
ва безсмертную славу достойно при-
обрѣтшій, сказалъ: *твореніе можетъ*
ли понять своего творца? оно не съ-
тѣмъ создано, чтобъ его испытывать,
разбирать и о немъ вопрошать; но
только чтобъ его обожать и молчать.
Богъ пребываетъ. Сія священнѣйшая
истинна не довольно ли сильна къ
убѣжденію моему и къ наученію меня,
не преспавай быть всегда человѣ-
комъ повинновеннѣйшимъ непоспжи-
мымъ его судьбамъ и исполнять свято
предписанныя тѣ должности и обя-
занности въ разсужденіи самаго себя.

ближняго и общества. Возможно ли мнѣ шѣсно ограниченнымъ моимъ умомъ назначать какія-либо черпы подобія, или образа и свойствъ всевышняго бытія? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Не дано человѣку измѣрять глубину неизмѣримую и полную чудесъ; какую пользу принести мнѣ можетъ безчисленное множество толкованій, книгъ, писаній, одинъ непроницаемый мракъ, а не изъясненія о непостижимомъ существѣ, въ себѣ заключающія, когда и сама чудотворная природа доказывающая мнѣ столь торжественнымъ образомъ бытіе Божіе, не просвѣщаетъ меня въ познаніи его свойствъ? Икщо можетъ не сдѣлавшись безразсуднымъ, исчислять совершенства безначальнаго и безконечнаго Бога? Всѣ древнія и новѣйшія модныя о немъ ученія, суть истинные бреда ничего не изъясняющіе. Тьма шѣмъ сокрытаго и въ естествѣ для человѣка находящагося, не достанетъ многочисленныхъ вѣковъ

на открытіе всего несвѣдомаго. Самый прилѣжнѣйшій Физикъ, совсѣмъ своимъ остроуміемъ разбирая, подробно соображая и выводя изъ извѣстныхъ ему причинъ слѣдствія, можетъ вамъ, почтеннѣйшій читатель, подать нѣкоторое познаніе о нѣсколькихъ чудодѣйствіяхъ, великое вѣроятіе превосходящихъ, электрической и спихійной животворной силы; но въ прочемъ остается и онъ, какъ и всѣ смертные, въ совершенномъ неразумѣніи и невѣденіи о естествѣ спихіи, которая тѣ самыя, электрическую и животворную силы, въ новѣйшія времена открытыя, превосходитъ; какимъ образомъ сіи наипончайшія матеріи рождаются и какое имѣютъ на человѣка вліяніе? Положимъ, что сіе разбравъ нѣтъ намъ возможности для того, что чувствамъ нашимъ не подвержено и удалено; но есть множество великое вещей, которыя и глазу и осязанію, и обонянію нашему покорны, но сов-

сѣмь шѣмь разумъ нашъ слабъ разби-
 рать ихъ сущность и находить при-
 чины видимыхъ ихъ дѣйствій. Во
 всѣхъ царствахъ природы открыва-
 ются ежечасно испытателями такіа
 чудесныя вещи и дѣйствія, что са-
 мые просвѣщеннѣйшіе умы остано-
 вливаются удивленіемъ и нѣкимъ по-
 чтишельнымъ ужасомъ. Въ царствѣ
 растеній, на примѣръ, есть чудное
 нѣчто Зоофитъ называемое, которое
 почитается среднимъ бытіемъ между
 растѣніемъ и животнымъ. Оно мо-
 жетъ имѣть запахъ розы и органы
 усперсы. Зоофитъ есть морское тѣ-
 ло, котораго природа, заимствуешь
 отъ животного и образа растенія.
 Прежде не знали ученые люди, къ
 которому царству его причесть; но
 по долгому разсужденію, рассу-
 жденію и толкованію наконецъ г. Юссе
 рѣшился включить его въ классъ
 животныхъ. Сей Зоофитъ имѣетъ
 видъ собранія прозрачной пѣны; ядъ

которымъ онъ преисполненъ, имѣетъ
спрашное дѣйствіе. При чрезвычай-
ной своей силѣ производитъ непер-
пимую боль, которая умножается,
когда солнце возвышается на горизон-
тѣ, ко какъ скоро сіе свѣсило спа-
нетъ спускается, то и боль опъ яда
чувствуемая уменьшается; по захож-
деніи же солнца и совсѣмъ она про-
падаетъ. Опъ чего сіе бываетъ? ска-
жите мнѣ, прошу васъ суемудрство-
вашели о своемъ создателѣ. Зоофитъ
въ вашихъ рукахъ, изтолкуйте мнѣ
его свойство и силу его жизненнаго
сока, ядъ для человѣка соспавляю-
щаго? Какое дѣйствіе есть надъ нимъ
солнца, и какая связь между силою
его яда и споянія благошворнаго свѣ-
та? Вы молчите о семъ и ни чего
мнѣ яснаго не сказываєте; то какъ же
дерзаете разсуждать о томъ непоспи-
жимомъ существѣ, которое не только
опъ вашего осязанія, но и опъ бы-
спролѣшающаго вашего ума на безко-

нечное разстояніе удалено. Послушайте дружескаго моего совѣта , не разсуждайте о существѣ и свойствахъ всякое ваше умствованіе превышающаго Бога , а еще болѣе не держайте давая ему какое - либо подобіе или образованіе и приписывая ему нѣдѣйствія чувствованій, которыя пресмыкающемуся человѣку свойственны, нужны, приличны. Будьте покойны, любите ближняго своего, дѣлайте ему добро, сколько есть въ вашей возможности ; призывая со благовѣніемъ не-поспѣжимаго въ помощь, отправляйте съ совершеннымъ усердіемъ и свое служеніе и свои обязанности, и ожидайте возмездія отъ собственной вашей совѣсти , яко безприспращаго и справедливаго судіи. Зоофилы и другіа ему подобныя распѣнія, въ нашихъ вѣкахъ открытыя , подали причину къ разнымъ разсужденіямъ. Многіе отпѣннымъ просвѣщеніемъ знаменитые люди, погружаясь при явленіи подоб-

ныхъ чудесъ природы въ удивленіе ,
 заключили , что всѣ роды плѣль пре-
 вращаясь изъ бытія въ бытіе по раз-
 личнымъ степенямъ перемѣненія, вхо-
 дящъ наконецъ въ родъ совсѣмъ дру-
 гой, съ начала имъ несвойственный.
 Многіе примѣры ошущительные до-
 казываютъ справедливость ихъ сего
 положенія. Камни, растѣнія, насѣко-
 мые, скопы, звѣри, пщицы, человѣкъ
 и всѣ что ни видимъ , перемѣненію
 подвержено , и точно измѣняея и
 другой образъ существованія прие-
 млетъ. Но какъ сіе происходитъ ? для
 чего ? на какой конецъ ? оспается и
 оспается непостижимымъ на всегда.
 Я о всѣхъ сихъ непостижимостяхъ не
 могу изысканія дѣлать , оспаяюсь въ
 совершенномъ невѣденіи, но что всего
 страннѣе покажется, и хочу въ помъ
 бытъ охотно. Что вы о семъ поду-
 маете просвѣщенные чинатели сихъ
 моихъ листовъ ? Если въ помъ осуж-
 дать меня станете и предпримете

прудъ продолжашъ свой изысканія и умспвованія о непостижимостяхъ, то я скажу вамъ истинну несомнѣнную, что вы въ томъ столько же успѣете, сколько томъ мальчикъ, который сидя на берегу, хотѣлъ горьстью вычерпать море, и вмѣстипъ его въ здѣланную въ песокѣ ямочку. Я уже прежде сказалъ, что намъ не дано поспигать не только чрезъ естеспвенныя силы, но и самыя естеспвенныхъ дѣйсвій причины; и сколько бы ни старались въ томъ предуспѣть, все будетъ безъ малѣйшей пользы и успѣха. Природа чудная своими дѣлами какъ въ чрезвычайно огромныхъ шѣлахъ, такъ и въ безконечно почти малыхъ дыханіяхъ существующихъ въ свѣшѣ, приводитъ человека мыслящаго въ безпредѣльное удивленіе. Если кто въ сей истиннѣ опытами утвержденной усомнился, то прошу обращаипъ свое вниманіе на то безчисленное множество чудотвореній естеспва,

изъ котораго нѣкопоруку часпицу по-
мощію недавно изобрѣшенныхъ спеколь
наши глаза видяшъ. Всему шеперь
свѣшу извѣстно, что микроскопы
открыли пять тысячъ сто яицъ въ
лишникѣ пчелиной матки; что слав-
ный испытатель природы Левенгекъ
счелъ при тысячи сто восьмдесятъ
одинъ глазъ на головѣ одного насѣко-
мага скарабѣ называемаго: и что сѣме-
на одной древесной пшпцы произвели
прежде шестаго поколѣнія пять ты-
сячъ девятъ сотъ четырѣ миліона де-
вяшъ сотъ пшпцы. Если мои глаза
не проникають далѣе въ неизслѣди-
мую бездну толико безконечно малыхъ
сущесшвованій, то не должно въ томъ
обвиняшъ никого, какъ наши увеличи-
тельные спеклы. Когда бы изобрѣли
еще шеперѣшнихъ совершеннѣе, чего
бы мы не открыли до нынѣ несвѣдо-
мага. Тогда бы мы узнали, что каж-
дое сѣмя естъ цѣлой міръ бышпевъ
одушевленныхъ, изъ коихъ каждое ды-

ханіе естъ само сѣмя тысячи міровъ.
Я чувствую, что на краю стремнины
глубины непостижимости оспанавли-
вается мое умствование, и мой горя-
щійся разумъ, признавая свою сла-
бость совершенную, едва самъ въ себя
приходитъ опъ чрезмѣрнаго удивле-
нія всего открывающаго, которое естъ
ничто въ сравненій того, что остаеп-
ся несвѣдомымъ и непроницаемымъ.
Воображеніе въ необъемлемомъ просп-
ранствѣ чудесъ теряется; стремле-
ніе любопытства оспанавливается;
разумъ молчитъ и упадая, обожаетъ
всесильное и непостижимое существо,
вся исполняющее.

ИНТЕРЕСЪ, ПОЛЬЗА, КОРЫСТЬ, БЫГОДА, ПРИБЫТОКЪ.

Слово Интересъ принимается въ
различныхъ значеніяхъ. Интересъ

въ скупомъ, придворномъ или жесто-
косердомъ есть нѣкое побужденіе или
свойство мерзское, ведущее человѣка
къ несправедливости, развращенности
сердца, злоухищренію и подлости. Но
въ человѣкѣ добромъ, чувствитель-
номъ и честномъ, интересъ состоитъ
въ справедливости, благоденствѣ, ве-
ликости души, въ желаніи заслужить
почтеніе и любовь у другихъ съ нимъ
сожительствующихъ, и наконецъ быть
съ самимъ собою въ мирѣ, тишинѣ и
спокойствіи. Честной человѣкъ, гово-
ритъ Аристотель, есть необходимый
другъ самъ себѣ: дѣлая то, что хва-
лы достойно, получаетъ отъ того
ту изящную пользу, что становится
самъ себѣ любезнѣе, а дѣлая полезное
ближнему, самъ въ себѣ получаетъ
награду, то есть утѣшительное спо-
койствіе духа и ободрѣніе совѣсти.
Упорные нравоучители, не имѣя ясна-
го понятія о человѣкѣ, каковъ онъ
есть въ своемъ существѣ, говорятъ,

что имъ въ томъ, что мы сами для себя дѣлаемъ, ни заслуги, ни добродѣтели; они думаютъ, что одно сильное дѣйствіе, какого-либо интереса способно развратить наклонности къ дѣяніямъ самымъ похвальнымъ. Но тѣ, кои сіе толкуютъ, показываютъ намъ, что они не имѣютъ точнаго познанія ни о человѣкѣ, ниже о томъ, что составляетъ прямое его достоинство или заслуги и истинную добродѣтель. *Достоинство* состоитъ въ томъ только, что насъ дѣлаетъ полезными и любезными намъ подобнымъ человѣкамъ. Добродѣтель есть расположеніе дѣлать охотно то, что нужно къ доставленію счастья ближнему, для собственнаго жъ нашего блага, о коемъ мысль никогда отъ насъ не отступаетъ. Всеобщіе интересъ есть то, что человѣкъ нужнымъ поставляетъ для собственнаго своего благополучія. Въ *страстномъ* любовникѣ интересъ есть то, чтобъ нравиться и угож-

дашь своей возлюбленной ; обладаніе его кажется ему , (на ту мину) найвеличайшимъ благополучіемъ и потому онъ готовъ ей всѣмъ жертвовать. Въ скулѣ интересъ или корысть значить деньги , которые онъ почищаетъ величайшимъ благомъ и совершеннымъ своимъ идоломъ , коего онъ , забывъ всѣ обязанности общепія , дѣлается неключимымъ рабомъ. Въ тщеславномъ интересъ есть власть , могущество , честолюбіе , въ чемъ онъ полагаетъ верьхъ своего счастія. Въ придворномъ интересъ состоить во взглядѣ , въ ласковой миѣ , улыбкѣ , словѣ его Государя , въ предпочтеніи предъ другими жаждущими опличности , довѣренности (часто наружную) изъявляющей. И потому для единого минутнаго взира готовъ онъ сполкнуть безъ жалости своего ближняго въ самую пропасть несчастій , будучи увѣренъ , что симъ очищеніемъ души дойдетъ онъ до своего верховнаго

блаженства, къ которому если когда и удаеся ему силою злоухищреній приближится, по другой водимый тѣмъ же самымъ желаніемъ, поже съ нимъ дѣлаея, что онъ съ своимъ предшественникомъ сдѣлалъ. Интересъ въ искреннемъ другѣ есть пошъ, чпобъ ушѣшеніемъ наслаждаться, радѣляшъ съ другомъ радости и слезы, пріятности и противности въ теченіи нашихъ дней необходимо случающіяся. Въ добромъ человѣкѣ (*) Интересъ

(*) Подъ именемъ добраго человѣка разумѣея не простаѣ, но человѣкъ прямо честной безъ маски, добродѣтельной, хранящій всѣ обязанности и правила общежитія помогающій ближнему по силѣ и возможности своей, раздѣляющій слезы огорченныхъ и шягосѣ бѣдствій несчастныхъ. Добрый человѣкъ въ томъ только заключаетъ весь свой интересъ или полное удовольствіе приносящую пользу, что онъ служитъ вамъ сердцемъ своему ближнему, не подаетъ собою примѣра ни къ чему иному, какъ только къ добродѣтельному житію, и хотя путемъ честности любитъ всѣмъ сердцемъ окружающихъ его человѣковъ. Спокойствіе и тишина духа съ оимъ добрымъ человѣкомъ обитающъ, истинное блаженство, домъ егосъ исполняющее, есть истинникъ, изъ коего онъ щедрою рукою почерпаетъ способы осчастлививать людей пребывающихъ его помощи и его ушѣшенія. О коль любезенъ и подражанія достойнъ подобный человѣкъ.

есть стараніе быть полезнымъ ближнему и заслужить своими дѣяніями любовь и почтеніе отъ подобныхъ ему челоѣковъ кругъ его соспавляющихъ. Въ сихъ только предметахъ обыкъ онъ полагать цѣль своего благополучія, и въ нихъ только заключаешь онъ истинное и дѣйствительное почтеніе къ самому себѣ, безъ котораго, — яко безъ приспращный судія своимъ собственнымъ дѣяніямъ, и щастіе свое считаешь не совершеннымъ и не твердымъ. Таковы суть чувствованія добродѣтельнаго или добраго челоѣка; сіи суть его правила всѣмъ его дѣяніямъ предшествоующія. Каждой челоѣкъ по силѣ своего сложенія, живости своего воображенія, спремительности своихъ спращей, ищетъ своей пользы съ большимъ или меньшимъ напряженіемъ; а изъ того происходитъ объемлющая всѣ наши разсужденія упорность мыслей, которая заставляетъ насъ дѣлать величайшіе пожертвова-

нія, чѣмъ только получить или удержавъ въ своемъ обладаніи тѣ предметы, въ коихъ благосостояніе или свое совершенное успѣшеніе почищаемъ. По сему самому отецъ подвергаетъ опасности свою жизнь, чѣмъ спасти дни своего сына: нелестный другъ жертвуетъ собою за своего друга, доброй гражданинъ за свое опечесство, любовникъ за любовницу. Каждой чело-вѣкъ имѣетъ свою пользу, для которой онъ дѣйствія свои располагаетъ. Нѣтъ ни порока, ни слабости, ни самаго пресупленія, которые бы не имѣли своихъ минувшихъ польвъ для того, кто имъ предается, или кто ихъ производитъ въ дѣйствіе. Самая опытность намъ доказываетъ, что рано или поздно вдавшіеся порокамъ, вмѣсто обрѣшенія чрезъ то своего благосостоянія, находятъ совершенное зло, и часто гоняясь за пустою шѣвною пользы и счастья, причиняють сами себѣ мучительныя бѣдствія; ра-

сканіе бываеъ тогда поздно , какъ ни перзаеъ ихъ сердце. Для каждаго челоука суъ два рода инпереса или пользы, первой *просвѣщенный*, то естъ основанный на самой опытности, утвержденный здравымъ разсудкомъ. Другой естъ *слѣлой*, копорой предметомъ имѣеъ минушное удовольствіе, осуждаемое здравымъ разсудкомъ, и копорого слѣдствія непременно гибельны для того , кто слѣдуеъ его прельщающему гласу. Инпересъ или побужденіе къ нашей пользѣ съ нами родящееся естъ иногда презрѣнія достойно, когда оно предполагаетъ себѣ предметы презрѣнія достойные ; или когда оно заставляеъ насъ употреблять , для полученія желаемого, способы мерзскіе , безсовѣстные. Но на прошивъ сіе побужденіе велико , благородно, превосходно, когда оно ведеъ насъ къ предметамъ прямо полезнымъ для общесства; когда оно дѣянія наши успрямляеъ на ту только цѣль, чѣобъ

слѣдствіяхъ совершали благоденствіе, покойствіе, утѣшеніе ближняго. Въ семъ случаѣ побужденіе сіе естъ истинная добродѣтель. Ии interestъ управляя сердцемъ скупаго, заставляешъ его часпо великими трудами, торжествованіями, безконечными отказываніями самому себѣ и въ самонужнѣйшихъ вещахъ, способами безчестными, несправедливыми, вредными и причиняющими безъ жалости разореніе и сущую бѣдность ближнему, еобирашъ сокровище, котораго онъ по жестокосердію своему ни на свою пользу, ни на пользу ближняго никогда не употребляетъ, и которое по смерти своей оставляетъ часпо людямъ его ненавидѣвшимъ и презиравшимъ, и по тому ни мало за все полученное богатство не благодарнымъ.

Тотъ же самый interestъ, или то же самое побужденіе, въ добромъ чловѣкѣ подражанія достойно и естъ самая добродѣтель, по тому что сей чловѣкъ, честнымъ самымъ образомъ, не-

усыпными трудами и стараніями, не обижая и не разоряя ближняго и не прикасаясь къ его собственности, увеличиваешь свое имущество на толь-
 только конецъ, чтобъ удовлетворить
 благодѣтельству своему сердцу,
 употребляешь его на оправду нещас-
 нымъ, на ушоліе слезъ горестною
 бѣдностію у сирыхъ извлекаемыхъ, на
 помощь ближнему, однимъ словомъ,
 на всѣ тѣ дѣянія, въ коихъ со спра-
 дельное его сердце полное и несрав-
 ненное ни съ чѣмъ удовольствіе и спо-
 койствіе свое находитъ. Вотъ какія
 разнообразныя дѣйствія производитъ
 интересъ или побужденіе къ снисканію
 себѣ пользы и выгоды. Исполкова-
 тели вещей по наружности только,
 говорятъ, что добродѣтель требуетъ
 отъ насъ великихъ и тяжкихъ пожер-
 твованій. Но довольно одного без-
 пристрастнаго разума, которой тѣ
 самыя пожертвованія представляешь
 намъ пріятными; онъ намъ показываетъ

и самыя великія выгоды и пользы малыми, каковы онѣ суть почно въ ихъ существѣ. Послѣдую его совѣшамъ, мы ничего болѣе не сдѣлаемъ, какъ дадимъ цѣну должную вещамъ. Ошказавъ ся пожертвовать маловажною и приватною пользою, пользѣ общественной и твердой, есть не имѣть любленія къ ближнему и ко всему своему кругу и обществу, есть не знать истинной цѣны вещей. Правосудіе есть подпора общежитія, столь нужная для общественнаго нашего благоденствія. Но совсѣмъ тѣмъ сіе самое правосудіе бываесть не рѣдко весьма прошивно и согласно съ нашими личными выгодами или мечтательными пользами; пожертвовавши ими правосудію и пользѣ истинной ближняго, приобретаемъ благонадежность, и самое право быть защищенну, почитаему, уважаему, любиму нелестно; а безъ сихъ услажденій самолюбія врожденнаго и общежитіе никакихъ прелестей

въ себѣ имѣшь не можешь, какъ бы оно совершеннымъ ни казалось. Человѣкъ тогда поступаетъ благоразумно и съ истинною для него пользою, когда основываетъ свои предпріянія, свои дѣянія, свои разсужденія на точныхъ и вѣрныхъ опытахъ, размышляетъ о своей цѣли здраво и согласно съ истиннымъ разумомъ; симъ образомъ своихъ распоряженій дѣлаетъ добро, наслаждается истинною и утѣшительною пользою; но когда онъ влекомъ бываетъ слѣпыми необузданными страстями или безразсудными предубѣжденіями, тогда онъ не въ силахъ судить здраво ни о предпріемлемомъ, ни о слѣдствіяхъ желаемой пользы; онъ дѣлаетъ зло, коего гибельныя дѣйствія надъ собою чувствуетъ, и вкушаетъ горькіе плоды безразсуднаго своего поведенія. Убѣдительнѣйшая опытность, видимые примѣры и ощутительное событіе всего вышесказаннаго не довольно ли сильны увѣрить насъ

тъ несомнѣнной сей истинѣ, что несравненно полезнѣе, выгоднѣе, уладительнѣе быть добродѣтельному, нежели порочну; любить ближняго и дѣлать ему добро, не прельщаться ложнымъ блескомъ единомысленнаго счастья, ядовитыя слѣдствія намъ, изчезнувъ, оставляющаго; полагать свое блаженство въ истинномъ, на здоровомъ разумѣ основанномъ благополучіи и спокойствіи духа; снискивать его не подлыми средствами и пагубою ближняго, но исполненіемъ свято служенія, своихъ обязанностей, честностію сердца и непорочною нравовъ и жизни.

О

ДОЛЖНОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА или о
НРАВСТВЕННОЙ ЕГО ОБЯЗАННОСТИ.

Человѣкъ есть бытіе общежительное. Общежитіе тогда пріятно и по-

лезно, когда члены его составляющіе
единодушно прудящся во изысканій
надежнѣйшихъ способовъ ко утвержде-
нію честнаго и общаго благосостоянія.
Благосостояніе каждаго члена состав-
ляетъ благосостояніе или счастье все-
го общества. Надобность, или луч-
ше сказать необходимость, которую
имѣютъ живущіе во обществѣ чело-
вѣки другъ въ другѣ, рождаетъ меж-
ду ими отношенія взаимственности,
связи, а отъ сихъ производящъ долж-
ности человѣка. Должности человѣка
суть тѣ средства, кои по необходи-
мости вещей принужденъ онъ упот-
реблять для доставленія себѣ того
благополучія, къ которому онъ без-
престанно стремился. Ежели чело-
вѣкъ любитъ самаго себя, хочетъ
себя сохранить и содѣлать существо-
ваніе свое прямо счастливымъ, то не-
обходимо долженъ онъ слѣдовать для
достиженія сея цѣли тѣмъ средст-
вами, кои сама природа ему предла-

гаешъ, И такъ все его увѣряешъ, что долженъ онъ убѣгать шѣхъ предметовъ и воздержаться отъ шѣхъ дѣяній, кои непосредственно своими слѣдствіями могли бы причинить зло его бытію или вредное помѣшательство его благополучію, яко пицѣ его существованія. Вотъ естественный источникъ воздержности, умеренности, скромности, осторожности, споль нужныхъ для человѣка и тогда, когда бы онъ жилъ одинъ самъ съ собою. Испытаніе, благоразуміе, справедливостъ необходимы человѣку; на сихъ то столбахъ твердыхъ основывать онъ долженъ свои предпріятія и дѣянія, въ какомъ бы онъ состояніи ни былъ, если только желаетъ быть счастливымъ. Должности человѣка въ обществѣ живущаго суть шѣ способы, которые онъ употребляетъ обязанъ, что бы привлечь, побудить, склонить окружающія его бытія, или шѣхъ, коихъ дѣйствія вліяніе надъ

нимъ имѣшь могутъ , содѣйствовать ему въ снисканіи легчайшимъ образомъ собственнаго его счастія , или заставить ихъ соединить свои пользы съ его собственною пользою. Но какъ каждое изъ сихъ прикосновенныхъ ему бышівъ требуетъ , чтобъ не отказываемо было и ему вспомошествованіе въ доставленіи его счастія , то изъ сего и выходитъ ощутительное слѣдствіе , что каждый человекъ обязанъ содѣйствовать съ своей стороны тѣмъ , отъ коихъ зависитъ личное его благосостояніе. Сіе взаимное содѣйствіе составляетъ ту цѣпь , связывающую всѣхъ добрыхъ членовъ общества , средоточіе , которое содержитъ въ себѣ истинное и твердое благо для всѣхъ вообще и каждого особо. Члены каждой семьи , каждого общества , каждого народа непрестанную производятъ мѣну. Они непрерывно цѣну преемуемаго отъ нихъ , то есть ихъ трудовъ , ихъ вспомошествованій , ихъ бла-

гошвореній, ихъ почшенія, ихъ уваженія, ихъ благосклонныхъ и неблагосклонныхъ чувствованій, сравнивая съ цѣною выгодъ или пользы имъ самимъ доставляемыхъ, или впредъ ожидаемыхъ, также и съ цѣною тѣхъ непріятныхъ поступковъ, которые принуждены сносить или надѣясь терпѣть. По строгому порядку вещей мы любимъ, почитаемъ, уважаемъ тѣхъ челоѣковъ, которые доставляютъ намъ наше благосостояніе, удовольствіе, утѣшеніе, опраду; такіе люди милы сердцу нашему точно такъ, какъ наше собственное благо. Но напротивъ того, самымъ естественнымъ влекомъ ненавидѣнь, презирають тѣхъ, кто намъ причиняетъ зло и препятствуетъ наслаждаться спокойною пріятностію благополучія. Безъ всякаго уваженія оставляемъ тѣхъ, отъ коихъ никакой себѣ пользы не ожидаемъ. Нравственная обязанность есть надобность быть полезнымъ тѣмъ,

которыхъ цѣпѣемъ нужными для собственнаго нашего счастія , а убѣгаемъ того , кто и что вредишь намъ можетъ , или опдалаетъ наше щастіе. Когда все человѣки имѣють тошъ конецъ , или цѣль своихъ желаній и поведеній , чтобы быть щасливыми , то должны они такимъ образомъ и дѣйствовать и располагать своими поступками , копорой бы способенъ былъ доставить имъ желаемое : въ пропивномъ случаѣ на пуши своего развратнаго и съ обязанностями общества несходственнаго житія встрѣчаясь зло , огорченіе и позднее раскаяніе. Какое бы начало и произхожденіе ни полагали бытіемъ рода человѣческаго , но какъ скоро естественность ихъ заставляетъ искать себѣ блага и бояться зла , то и принуждены они быть подвластными , самою природою налагаемымъ на нихъ обязанностямъ и уздамъ , ненаблюденіе , или пренебреженіе , которыхъ непременно

но лишить человека тѣхъ выгодъ или пользы, которыя бы могъ онъ получить сохраняя свято всю ихъ строгость или силу. Презрѣніе, ненависть, испязанія общества или тѣхъ самыхъ, кому злой человекъ наноситъ своими дѣланіями вредъ, суть наказанія или необходимое слѣдствіе ему за пренебреженіе сихъ природою предписанныхъ обязанностей; такъ какъ почтительное уваженіе, искренняя любовь человекавъ суть необходимое слѣдствіе и награжденіе тѣмъ, кои въ точности и свято наблюдаютъ и въ дѣйствіе производятъ тѣже самыя обязанности. Если человеку въ обществѣ споль полезны, споль нужны и споль пріятны почтеніе и любовь отъ его подобныхъ человекъ, то лишеніе сихъ услажденій самолюбія, есть лишеніе спокойствія, щастія и самое настоящее наказаніе. Мнѣніе общества, хорошее или, слава, сплиніе отъ

другихъ , предпочиненіе , страхъ нав-
лечь на себя негодованіе , презрѣніе и
ненависть оныхъ окружающихъ насъ
бытіевъ суть сильнѣйшія и дѣйстви-
тельнѣйшія обиданія и самыя нака-
занія , нежели удаленныя и неизвѣст-
ные ужасы , коими глупое суетвѣріе
успрашаетъ сердца смертныхъ. Если
нравственной дѣятельности цѣль есть
та , чѣмъ содѣлать человека счаст-
ливымъ ; то долгъ и польза разумнаго
бытія требуютъ , чѣмъ для полу-
ченія сего счастья исполнять оныя свя-
тыя обязанности , то есть , любить
бы ближняго , содѣйствовать бы ему
въ его счастьи , быть бы добродѣте-
ленъ , честенъ , миролюбивъ , искрен-
енъ. Храненіе сихъ правилъ достав-
итъ ему непременно истинное и
прочное счастье. При всѣхъ нашихъ
чувствованіяхъ къ бытіямъ , съ коими
имѣемъ сношеніе , и во всѣхъ нашихъ
дѣяніяхъ въ разсужденій ихъ мы всег-
да , какъ выше сказано , разсмаприва-

емъ надобность , какую въ нихъ имѣемъ , полезность , какую отъ нихъ получить можемъ , однимъ словомъ , свой собственнѣйшій интересъ въ нихъ разбираемъ , и находимъ , что чѣмъ они нужнѣе для нашего счастья , тѣмъ должности или обязанности наши къ нимъ поставляемъ необходимѣйшими и священнѣйшими. И потому долгъ сына къ его отцу и матери есть священнѣйшій изъ всѣхъ для того , что отецъ его , мать его суть изъ всѣхъ человѣковъ нужнѣйшіе для его спокойствія , для благополучія. Мы любимъ свою землю , свое отечество болѣе , нежели другую , для того , что въ немъ находятся тѣ любезные намъ предметы , въ коихъ мы большее участіе приедемъ. Мы болѣе привязанности имѣемъ къ нашимъ друзьямъ , нежели къ незнакомымъ , для того что цѣнимъ ихъ нужнѣе прочихъ для себя самихъ , что они милѣе сердцу нашему. Однимъ словомъ , по естествен-

послѣ чловѣка наше предлюбленіе, наше предпочтеніе и наши обязанности болѣе относящіяся къ тѣмъ чловѣкамъ, отъ коихъ болѣе себѣ пользы и выгодъ ожидаемъ или надѣемся, чѣмъ они скорѣе и прочнѣе доставляють намъ то, въ обладаніи чего полагаемъ наше счастье, наше удовольствіе. И пошому починаемъ мы ненавистнымъ и презрительнымъ расположеніемъ непокорность, неблагодарность къ родителямъ, къ благодѣтелю, къ опеческу; расположеніемъ мерзскимъ измѣну, нарушеніе явное священныхъ обязанностей, коихъ пренебреженіе есть непростительное преступленіе. По непремѣнному слѣдствію любви, которую чловѣкъ имѣетъ самъ въ себѣ, онъ размѣряетъ свою привязанность или свое отвращеніе, свою ненависть съ добромъ или зломъ, получаемымъ отъ подобныхъ себѣ чловѣковъ. Гражданинъ не можетъ любить свое опеческу, какъ только тогда, когда оно

доставляетъ ему желаемыя выгоды и спокойствіе ; если же онъ ничего отъ него не получаетъ , то и привязанности къ нему не имѣешь , когда же еще отъ него видишь приписаніе, несправедливостъ, терпѣшь прискорбность и огорченіе, то сердце гражданина совсѣмъ отъ него отвращается; а сіе отвращеніе ожесточаетъ сердца, и бываетъ бѣдственною причиною спранныхъ несчастій. Граждане добрыми бывъ могутъ во всей полнотѣ слова, подъ прагленіемъ только правосуднымъ, разумнымъ, крошкимъ, каковымъ мы теперь щастіе имѣемъ наслаждаться, пользуясь всеми тѣми выгодами и средствами, помощью которыхъ благоразумный и добрый гражданинъ безъ малѣйшей пятоспи, легчайшимъ образомъ содѣлать можетъ свое истинное благоденствіе. Если щастіе есть связь, соединяющая чело-вѣковъ между собою, то несчастіе оную разрываетъ, и самыя обязанности другъ

къ другу уничтожаетъ. Любить по-искренно, что меня огорчаетъ, что меня губитъ, есть дѣйствіе со всѣмъ противное природѣ человѣческой. Но великость духа пребудетъ, чтобы я прощалъ недоброхотныя дѣянія людей, и самого непріятеля моего любилъ бы какъ ближняго, къ слабостямъ и погрѣшенію склоннаго. Свойственно человеку принимать ложь за истинну, зло за добро, впадать въ погрѣшности, и въ надѣяніи скорѣе или вѣрнѣе достигнуть своего желаемого щастія или пользы, вредить ближнему. Но на сіе взирать должно не злобнымъ, а снисходительнымъ глазомъ, какъ на дѣянія отъ неразумности, вѣтренности, или необузданнаго самолюбія, гордости, и глупости производящія. Нерѣдко видимъ людей поступающихъ совсѣмъ въ противность здраваго разсудка и обязанностей для того, что будучи о-больщены и влекомы силою спрасней и роскоши, теряютъ истинный путь,

безпристрастнымъ разумомъ указуемый, и въ семь образъ своего житія пренебрегаютъ средствами истинное имъ удовольствіе и спокойное щастіе доставляющими. Изъ всѣхъ обязанностей и играющаго данную роль въ общежитіи человѣка, суть главнѣйшія и священнѣйшія:,, люби ближняго твоего истинно, дѣлай ему вспоможеніе охотно, будь вѣренъ своему государю, яко благошворителю и попечителю о своемъ благѣ, будь признателенъ за всѣ тебѣ оказанныя благодѣянія: благодарность есть чувствованіе благороднаго сердца; храни свято ушавы въ своемъ опечествѣ законодательною и благошворящею рукою поспановленные, и по согласію въ своемъ кругѣ, которое для твоей же пользы и щастія необходимо быть всегда должно: не воздавай зломъ за зло, но твори добро всѣмъ человѣкамъ сколько можешь, не выключая и твоего непріятеля, имѣмъ превосходство свое надъ нимъ по-

кажешь, тѣмъ исполнишь долгъ прямо честнаго и добраго человѣка; опира-
вляй швое служеніе съ благоговѣніемъ
и совершенною прилѣжностію. Испо-
лняя все сіе къ швому же благодѣйстви-
е нужное, исполнишь швой долгъ,
будешь добродѣшелемъ, будешь возлю-
бленъ и почтенъ ошъ окружающихъ
тебя человѣковъ, будешь спокоенъ въ
совѣсти, и въ согласіи самъ съ собою,
а безъ сего и добродѣтели и самое бла-
женство есть блескъ, пыль, звукъ, ни-
что.

Н А Д Е Ж Д А.

Удивительно, что человѣкъ, благо-
роднѣйшее всѣхъ пварей созданіе, пре-
исполненъ пошкими несовершенст-
вами, колікія въ немъ видны. Кажет-
ся, что есть всегда что нибудь та-
кое, чего ему недостаетъ, поелику

онъ ни единой минутой своей жизни не проводишь, что бы не желать. Все, что онъ видитъ, что слышитъ, что воображаетъ, возбуждаетъ въ его сердцѣ столько желаній, коихъ угасить ничто не можешь, и коимъ онъ удовлетворить почти не въ силахъ. Слабость его не можешь ему доставить средствъ удовольствоваться собой. Вѣчное безпокойство его снѣдаетъ, и единая только надежда въ состояніи оное успокоить.

Хотя часто человекъ бываетъ нечистень въ своихъ намѣреніяхъ, однакоже онъ имѣетъ жарчайшую къ онымъ приверженность; да и самая въ оныхъ неучаа служить ему почти всегда новымъ побужденіемъ за оными гоняться. Жажда сія, коея онъ не можешь утолить, и копорая его безпрестанно сожигаетъ; рвенія сіи всегда возпламеняющіяся и никогда неуполяемые, были бы для него безъ сомнѣнія жестокимъ мученіемъ безъ надежды успѣха.

коими онъ себя ласкаетъ , и которой дѣлаетъ его , по крайней мѣрѣ счастливымъ по одному мнѣнію . что онъ не можетъ не быть такимъ .

И дѣйствительно , надежда его ведетъ по пріятному пути , даже до того предѣла , при которомъ она принуждена его оставить . Она единая имѣетъ искусство удалять отъ него чувство насмѣшки , когда оно не пріятно , и содѣлать ему насмѣшкой будущее благопріятное время , къ которому онъ намѣреваетъ достигнуть . Сколько бы любимый имъ предметъ ни удаленъ былъ , однако она его приближаетъ . Мы наслаждаемся счастьемъ , по коликѣ онаго надѣемся . Ежели оное пріобрѣтѣмъ , тогда уповаемъ уже вѣчно онымъ владѣть .

Счастливыль или несчастливы , надежда насъ укрѣпляетъ и ободряетъ , и такое есть непостоянство вещей человѣческихъ , что оно само оправдываетъ наши намѣренія самыя отваж-

нѣйшія, поелику по непрерывнымъ перемѣнамъ добра и зла мы не болѣе имѣемъ причины опасаться того, къ чему мы чувствуемъ омерзѣніе, какъ и надѣяясь того, чего мы желаемъ, что бы сбылось.

Не можно ли бы сказать съ признательностію, что надежда для насъ есть какъ бы другая жизнь, услаждающая горести той жизни, которую мы получили отъ рукъ Создателя? Но она еще есть душа вселенныя и пружина наисильнѣйшая для сохраненія въ оной согласія.

Черезъ нее по весь міръ управляетъ. Были ли бы учреждены въ немъ законы, ежели бы не надѣялись отъ оныхъ имѣть мудраго благоустройства? Имѣли ли бы подданныхъ послушными, ежели бы каждый изъ нихъ покорностію своею не ласкалъ себя способствовать благу своего опеческива? Что бы были искуства, и сколько бы ихъ почитали бесполезными,

ежели бы не чаяли плода, какой онъ оныхъ получать должно? Не вознерадѣли ли бы о наукахъ, и дарованія самыя превосходнѣйшія не оспались ли бы, не воздѣлываемыми, ежели бы ласкающая надежда не обѣщала намъ вкуса надежнѣйшаго и чистѣйшаго во всемъ помы, что нужно знать?

Вопроси работорца, что его побуждаетъ столь часто подвергать опасности дни, кои бы онъ могъ провести безопаснѣе и спокойнѣе, онъ тебѣ скажетъ: надежда славы, которую онъ любитъ, и которую предпочитаетъ печальнымъ пріятностямъ праздной жизни. Купецъ преплываетъ моря: но онъ надѣется богатствомъ наградить свой страхъ, который испытываетъ во время бурливой ярящихся волнъ непогоды. Орапай согбенный подъ своимъ раломъ, орошаетъ землю потомъ своимъ, но земля сія должна его питать, и онъ бы оснавилъ ее невоздѣ-

ываемою, ежели бы не ожидалъ точно оной награжденія за свои труды. Каковы бы ни были наши предпріятія, побужденіемъ оныхъ есть надежда. Она есть предвкушеніе нашихъ успѣховъ, и дѣйствительное добро по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, за недостаткомъ того, что отъ насъ сокрылось. Она есть предварительная радость, обманывающая насъ иногда, но которая пока существуетъ, подаетъ удовольствіе, кое ничемъ не уступаетъ наслажденію того удовольствія, какое человекъ себѣ обѣщаетъ, и которая не рѣдко заглаживаетъ все удовольствія предвкушенныя нами въ самомъ благополучнѣйшемъ состояніи.

И такимъ образомъ возможно бы было наслаждаться спокойно жизнію, ежели бы не жили день отъ дня въ надеждѣ ее продлить? Даже и самые болѣзненные и опочаяннѣйшіе, хотя приходятъ въ смятеніе при приближеніи смерти, однакожъ нельзя, что бы не надѣялись

выздоровѣть и въ ту самую минушу, когда выпускають послѣдній духъ. Мы проспираемъ надежду нашу за самой предѣль смерти, и когда стараемся обезсмертить себя въ памяти людей, то преисполнены симъ лестнымъ мнѣніемъ бываемъ болѣе расположены погрузить безъ повораченія въ бездну вѣчности.

О ДОБРОДЕТЕЛИ.

Всѣ насъ увѣряетъ, что безъ добродѣтели человекъ не можетъ быть совершенно щасливымъ; что одна добродѣтель доводитъ насъ надѣжнейшимъ путемъ до цѣли нашихъ желаній; что одна только добродѣтель имѣетъ силу очистишь шерніемъ усланную стезю, ко храму истиннаго благоденствія, ведущую; что она одна имѣетъ ключъ отъ хранилища спокойствія духа и примиренія самаго съ со-

бою. Но что есть самая добродѣтель? Добродѣтель есть исполненіе въ точности возложенныхъ на насъ самою природою обязанностей въ разсужденіи ближняго и самаго себя, или добродѣтель есть не прерывное расположеніе делать то, что служить къ доставленію щастія бытіямъ нашего рода и воздерживаться отъ того, что можетъ имъ вредъ наносить.

Сочиненія нравоучителей преисполнены похвалами добродѣтели; однакожъ мало такихъ находится, которыя бы подали намъ ясныя объ ней понятія, способныя остановить наши разсужденія на точной и вѣрной чертѣ. Платонъ, водимый стихотворческимъ воображеніемъ, не научая насъ точно въ чемъ состоитъ добродѣтель, далъ ей только видъ бытія или существованія обязательнаго. По его словамъ: добродѣтель есть столь прекрасна, что если бы можно было ее видѣть телесными очами то бы каждый ее узрѣв-

шій спраспнымъ спаль къ ея прелес-
 шямъ. Но въ чемъ состоятъ ея пре-
 лести, какъ не въ томъ, что она дос-
 тавляетъ намъ желаемое добро, щас-
 тие, спокойствіе, безъ чего была бы она
 одно имя безъ всякаго смысла. Дѣлае-
 мыя ей превелікія похвалы были бы
 неосновательны, если бы словомъ доб-
 родѣтель не означался тотъ образъ
 мыслей и дѣятельности, который бу-
 дучи полезнѣйшимъ для сожительст-
 вующихъ съ нами человѣковъ, соот-
 вѣпспвуетъ ихъ выгодамъ, содѣлы-
 ваетъ ихъ благополучіе, ихъ безопас-
 ность, ихъ спокойствіе. Пріятно и лю-
 безно бытіямъ рода человѣческаго поль-
 ко то, что имѣетъ силу доставлять имъ
 добро, удовольствіе, благоденствіе. И
 по сему тѣ только суть величайшіе доб-
 родѣтели, изъ коихъ происходятъ су-
 ществѣннѣйшія выгоды и пользы для
 человѣка. Добродѣтель имѣетъ мно-
 жество отраслей; то есть подъ симъ
 именемъ разумѣются всѣ хорошія ка-

чества сердца, всѣ добрыя дѣла въ пользу ближняго производимыя, и дѣйствительное ему добро доставляющія. Когда намъ говорятъ что добродѣтель сама по себѣ желательна, что она есть сама собою награжденіе, что она должна быть любима по собственной своей изящности; и проч: то всѣхъ сихъ изреченій сила и смыслъ есть то, что добродѣтель по тому намъ любезна, что имѣетъ сильнѣйшее вліяніе въ нашемъ щастіи. Правосудіе желательно и любезно намъ для того, что обезпечиваетъ наши пользы, наши выгоды, и служитъ ко утвержденію во обладаніи нужныхъ вещей для нашего щастія. Мы любимъ правосудіе для его полезности такъ какъ любимъ нашъ домъ для того, что онъ защищаетъ насъ отъ суровости воздуха, и доставляетъ намъ пріятное спокойствіе. Цѣна правосудія есть сохраненіе общественнаго порядка и выгоды членамъ онаго принадлежащихъ, всѣхъ вообще

и каждого особо. Достоянство вещи состоишь въ ея полезности. Равно-мѣрно и добродѣтель всю свою цѣну, всю свою прилѣжность имѣеть отъ своей полезности. Мы почищаемъ и уважаемъ добродѣтель въ тѣхъ, кто ею отъ прочихъ отличаясь для того, что она намъ всегда возвышаетъ, что тѣ люди преисполнены къ намъ благопріятными расположеніями, и пою самую готовосцію дѣлать намъ добро, которую найши желаемъ въ каждомъ человѣкѣ съ нами въ обществѣ живущемъ. Мы любимъ добродѣтель для того что мы любимъ самихъ себя, и все то, что способствуетъ нашему собственному счастью, и что она содѣлываетъ насъ любезными и почтенія достойными бытіямъ нашего рода. Добродѣтель есть сама по себѣ награжденіе значить то, что добродѣтельнымъ человѣкъ самъ въ себѣ увѣренъ, что онъ любезенъ тѣмъ здраво мыслящимъ бытіямъ, до коихъ слѣдствія его рас-

положеній касаются. А сіе его внутреннее удостовѣріе дѣлаетъ его почтенія достойнымъ не только у окружающихъ его, но и у самого себя. Ни что не можетъ споль упѣшительно быть, какъ своими добродѣтельными дѣянiями получаютъ право быть помѣщену въ число тѣхъ любезныхъ сердцу нашему людей, на коихъ большая часть изъ членовъ общества кругъ его составляющихъ взираютъ какъ на своего благодѣтеля, своего опѣца, защитника, помощника, какъ на друга человѣчества. Сіе сладчайшее чувствованіе, ни съ чемъ несравненное, составляетъ полное добродѣтельное упѣшеніе, и никакою силою не ошь емлемое награжденіе. Сіе внутреннее услажденіе каждый получить можетъ, если сохранятъ будетъ свято слѣдующія одного почтеннаго старика правила., Снарайся просвѣдши въ пвой умъ познаніями истинную истину вѣщей открывающими; слѣдуй, совѣшамъ здраваго разсудка; внимай

„неумолкаемому гласу швоей совѣспи,
 „яко небесному дару во глубинѣ швод
 „его сердца обитающему ; не забывай
 „ни когда швоего долга къ Создателю
 „и ближнему швоему ; шѣмъ испол-
 „нишь то , что добродѣтелью назы-
 „вается: слѣдствія опытного произой-
 „ши долженствующіа будущъ для тебя
 „самымъ упѣшительнѣйшимъ воздая-
 „ніемъ. Не переставай быть добро-
 „дѣтельнымъ хотя бы и всѣ силы не
 „щастія на тебя устремились; дѣй-
 „ствія ихъ не могутъ совершенно по-
 „разить сердце мудраго и добродѣте-
 „льнаго человѣка. Онъ въ щастіи не
 „превозносится , въ нещастіи не у-
 „ничижается. Въ напастяхъ , бѣдствіяхъ и въ благопріятныхъ произше-
 „ствіяхъ спарается не терять рав-
 „нодушія. Во всѣхъ случаяхъ благо-
 „разумная швердоспъ духа означается
 „въ его дѣйствіяхъ , и олужитъ ему
 „надежнѣйшимъ подкрѣпленіемъ къ пе-
 „ренесенію съ шерпѣніемъ и самой го-

„рести. Порокъ разными злоухищре-
„ніями, подлыми средствами, безче-
„стными путями достигаетъ ни рѣд-
„ко до щастія; не завидуй тому, и не
„теряй своего терпѣнія; будь увѣ-
„ренъ, что щастіе не добродѣтельно
„снисканное есть щастіе мнимое, скоро
„изчезающее, неспоюющее вниманія доб-
„раго человѣка и бывающее весьма час-
„то причиною совершенныя его собсп-
„венныя гибели. Взирай на щаст-
„лива подлыми оборотами до цѣли
„своей достигшаго, какъ не яблоко
„прекрасною своею кожицею глаза пре-
„льщающее, но внутренность коего
„наполнена зловонную и ядоносную пы-
„лью, которая и самый его пріятный
„видъ снѣдаетъ, обращая и все ябло-
„ко въ малѣйшій прахъ въпрямь раз-
„вѣваемы.,,

Добродѣтели и никакого къ намъ при-
косновенія не дѣлающія, или шакія,
коихъ дѣйствія отъ насъ удалены, про-
изводятъ въ насъ къ себѣ почтитель-

ное удивленіе. Мы пронужы бываемъ великодушными поступками добродѣтельныхъ мужей и въ самой древности, хопя мы въ томъ никакой своей личной полезности не находимъ; сіи чувствованія, сіе удивленіе производящъ опъ того, что сердце наше шакъ составлено чтобъ приходитъ въ радостное или печальное движеніе при всякомъ новомъ или рѣдко бываемомъ въ мысляхъ нашихъ изображеніи чего-либо уразительнаго или пріятнаго или горестнаго, и что при каждомъ повѣствованіи объ ошмѣнномъ въ мысль нашу потъчасъ бросаеиъа выгода или полезность или самое спасеніе долженствующіе произойти опъ шаковыхъ великодушныхъ поступковъ подобнымъ намъ челоѡкамъ; мы поставляемъ себя на мѣстѣ ихъ, кои были предметами похвальныхъ дѣяній или на мѣстѣ самыхъ благопворишелей. Мы въ семъ случаѣ дѣлаемъ себя всему бывшему свидѣшелями въ ображеніи; мы стано-

вѣлся на ту пору Римлянами когда намъ
 рассказываютъ о добродѣтеляхъ Тита,
 Траяна, Антонина и прочихъ. Съ ка-
 кимъ восхищеніемъ видимъ мы въ теа-
 тральномъ представленіи Августа не
 только прощающагося неблагодарнаго
 Цинну приговорившагося обагриль ру-
 ки свои въ крови своего добродѣтеля,
 но еще просящаго быть по прежнему
 друзьями; чье сердце не почувствуетъ
 опѣннаго почтенія къ такому посту-
 пку чрезвычайную великость духа изъ-
 являющему? По сему же самому на-
 чалу сердце наше трепещетъ, когда
 слышимъ о свирѣпыхъ и безчеловѣчныхъ
 поступкахъ Тиверія, Калигулы, Не-
 рона, и другихъ имъ подобныхъ. Мысль
 обьнихъ шоже производитъ впечатлѣ-
 ніе и содроганіе, какъ и рассказываніе
 о страшномъ какомъ-либо челоѣковъ
 перзающемъ чудовищѣ или ужасной
 змѣ смертныхъ пожирающей, хотя ни-
 когда она не успрашала нашему су-
 ществованію. Чувствительное сердце,

живое воображеніе опытностію и размышленіемъ просвѣщенное заставляющъ насъ брать участіе въ ушѣшеніяхъ или горестяхъ человѣческихъ со-радуется или соединяетъ свой стонъ и слезы прищасіи или бѣдствіи ближняго, хотя и не чувствуетъ ихъ дѣйствіи собственно надъ собою. Таково есть свойство человѣколюбиваго, нѣжнаго, и добродѣтельнаго сердца.

Хотя мы и любимъ добродѣтель для того, что наше истинное блаженство и ушѣшеніе съ нею неразрывно соединено, но сія къ ней любовь не должна щипаема быть съ нами рожденною. Добродѣтель и любовь къ добродѣтели въ человѣкѣ не что иное суть какъ пріобрѣтенныя расположенія. Человѣкъ не рождается добродѣтельнымъ, но рождается способнымъ быть добродѣтельнымъ, и имѣть къ ней привязанность. Человѣкъ рождается совершеннымъ кускомъ воска съ нѣкоторую только разностію въ мягкости или жесткости.

Изъ него почти все дѣлать можно, со-
ображаясь только съ тою мѣрою спо-
собности его къ принятію впечатлѣнія,
копторая ему свойственнѣе; въ чемъ о-
пытнѣнное разсмаприваніе и осторож-
ность при воспитаніи употреблать
должно. Образовать сердце юнаго есть
искусство съ чрезмѣрною трудностію
сопряженное, но возможное. Должно,
говоришь Сенека, учиться добродѣте-
ли; быть добрымъ есть совершенная
наука. Но гдѣ обучишься можешь моло-
дой человѣкъ сей божественной нау-
кѣ, какъ не у своихъ благоправныхъ
и просвѣщенныхъ родителей, и въ со-
обществѣ такихъ же людей? Благо-
разумное воспитаніе посѣваетъ въ нѣж-
ныхъ сердцахъ добродѣтель, возра-
щаетъ ее, и въ зрѣлость приводитъ;
примѣры усовершенствуютъ, производятъ
къ ней привычку, копторая доставляя
намъ пріятность чувствовать усла-
дительные ея плоды содѣлываетъ по-
слѣдованіе ей и произведеніе ея въ са-

мое дѣйствіе легкими, пріятными; привычка же наша къ добродѣтели содруживается насъ съ нею совершенно, дѣлается уже ее необходимою для нашего прочнаго благодѣяствія, и до того насъ нечувствительно доводитъ, что мы поставляемъ ее правиломъ нашихъ дѣяній, и путеводительницею всѣхъ нашихъ начинаній и самыхъ желаній. Чтобы сдѣлать себѣ истинное понятіе о добродѣтели, должно отпрыгнуть отъ себя предубѣжденія, то есть, должно силою открывать или находить во всемъ силою здраваго разсудка истинную чистѣйшую ничемъ непомятенную; чтобы познать всю ея полезность, всю ея пріятность, всю ея цѣну, должно просвѣщать свой умъ ученіемъ, испытаніями, разсужденіями, примѣрами, подражаніями въ чистотѣ нравовъ дознанныхъ человѣковъ. Чемъ просвѣщеннѣе мы станемъ, тѣмъ вѣрнѣйшею ступою шествовать будемъ въ пути добродѣтели ведущемъ насъ ко истинно-

му и верховному блаженству, единому предмету или цѣли всѣхъ нашихъ желаній и неусыпныхъ попеченій. Повторю я еще о вѣрнѣйшихъ способахъ быть благополучнымъ: не теряй времени на уразумленіе о удаленномъ отъ твоего понятія; оставляй разнообразныя бреды о непостижимостяхъ безъ всякаго вниманія; не мучь себя тщетнымъ спараніемъ проникнуть покрытыя густѣйшею тьмою неизвѣстности, но вмѣсто того старайся познавать самого себя, будь доволенъ, ограничивъ излишнія прихоти, своимъ жребіемъ въ тишинѣ сердца твоего. Отправляй и твое служеніе и твои общежитейскія должности съ точностію; будь всегда честенъ и справедливъ: живи миролюбно и непорочно; дѣлай ближнему всегда добро, не дѣлай и врагу твоему никогда зла, тѣмъ исполнишь священную твою обязанность, твой долгъ природою предписанный. Будешь добродѣтеленъ будешь споко-

енъ въ духѣ , будешь щастливѣйшій
человѣкъ въ своемъ кругѣ во все те-
ченіе твоихъ дней, коихъ пресѣченія не
спрашисъ, но всегда ожидай какъ не-
обходимаго произшесствія.

Увѣрившись въ томъ, что одна доб-
родѣтель доставляетъ намъ истинное
благополучіе , то есть утѣшительное
спокойствіе духа , не пожелаетъ ли
каждый здравомыслящій достигъ до
сего блаженства средствами въ предъ-
идущихъ листахъ, показанными? Ко-
ихъ начало исполненія покажется тру-
днымъ для того, что нѣкоторыя ма-
ловажныя пристрастія, мнимыя удо-
вольствія, прихоти, обольщенія, необ-
ходимо должно будетъ обуздать , или
и во все изтребить: по томъ вступа-
ющій въ путь къ добродѣтели ведущій
почувствуетъ самую пріятную легкость
въ продолженіи предпріятого , и нѣ-
слѣдствія не премѣнно отъ добрыхъ
дѣяній произтекающія , которыя на-
полняютъ сердце наше пріятнѣйшими

и ни съ чѣмъ несравненными услажденіями. Человѣкъ, коего существованіе и предметъ его бытія опъ понятія нашего сокрыты, кажется погруженнымъ въ морѣ золь, бѣдствій, суешь, горестей, заботъ печалей и разнообразныхъ не удовольствій; ищетъ утѣшенія, гоняется за щѣнью, желаетъ быть щасливымъ, но вмѣсто того къ мученію своему ничего не находитъ, для того что онъ не знаетъ, что есть истинное щастіе, и что есть верхъ его блаженства? Сіе самое его невѣденіе причиною по большой части бываетъ, что онъ поспавляетъ свое щастіе въ такихъ предметахъ или событіяхъ, которые въ глазахъ безпристрастно разсматривающаго ихъ истинную цѣну, суть совершенныя дѣтскія игрушки, нестоящія не только какого-либо попеченія, труда, безпокойства; но ниже малѣйшаго вниманія. Что сіе справедливо, видимъ мы пому оцущительныя доказательства въ человѣкахъ несчастными себя

называющихъ, единственно по тому, что не исполнилось ихъ желаніе не рѣдко пустое, что не удовлетворена ихъ прихоть часто маловажная и вредоносная; что пшичка изъ клѣпки улетѣла, что любима сабачка нарцызка разшиблась и прочая. Таковы суть по большей части причины нашихъ сътованіи, нашихъ жалобъ, нашихъ горестей и самыхъ слезъ; а все сіе происходитъ по тому что не имѣемъ мы яснаго понятія о существѣ вещей насъ обольщающихъ и о истиннѣмъ блага нами всегдажелаемаго. Мы умѣемъ только желать быть щасливыми, но не умѣемъ отдѣлять истиннаго щасствія отъ ложнаго и скороизчезающаго, а еще менѣе искусны ограничить блаторазумною черпою свои желанія и быть довольными тѣмъ жребіемъ, какимъ насъ время, спеченіе обстоятельствъ, случай, наградили. Одинъ добродѣтельный человѣкъ обуздываетъ свои желанія; онъ одинъ чувствуетъ

всю цѣну спокойныя умѣренности и доволенъ всегда своимъ состояніемъ, не завидуя свѣтлоблестящимъ пузырькамъ, кои въ мигъ исчезають, ничего по себѣ не оставляя такого, которое бы о существованіи ихъ напоминало, и не прельщаясь щастіемъ внутрь себя ядъ и горечь носящимъ. Онъ поспавляетъ себя выше всего того, чѣмъ покорившее духъ и сердце спраспямъ и слабостямъ многіе смертныя возхищающіяся. Онъ послѣдуетъ побужденіямъ своего сердца, ищущаго всегда упѣшительнаго чего нибудь, но при всѣмъ томъ не отступаетъ отъ здраваго разсудка показывающаго ему всечасно, что добро и что зло, и заспавляющаго смотрѣть на слѣдствія и на самый конецъ того, чему онъ, какъ человекъ, предается. Повиновеніе же сего гласу того самаго безпристрастнаго разума спавляетъ его отъ предвидимыхъ бѣдствій и самыхъ горестей. Пожертвованіемъ маловажныхъ удовольствій при-

обрѣпаетъ онъ прочное и продолжи-
тельное утѣшеніе своему сердцу; сло-
жнѣе въ духѣ; а сіе только состо-
яніе безвнущреннее и есть по самое
благополучіе, которое сполнитъ нашихъ
желаній, нашихъ трудовъ, нашихъ по-
печеній. Всякое другое благополучіе
не есть драгоцѣнно для разумнаго че-
ловѣка для того, что оно часно бы-
ваетъ совершенно мечпашельное и ма-
ловажное : ибо не рѣдко оно, показы-
вая намъ въ виду шѣнь истиннаго блага,
скрываетъ на пути къ нему ведущемъ
пропасти и спремнины неизбѣжною ги-
белью преисполненныя. Спрашйсь
о смертннй, послѣдовать привлекаю-
щему тебѣ разными прелестями блес-
ку, въ коемъ нѣтъ истиннаго блажен-
ства но едина обольщающая швой духъ
и сердце мечта, которая исчезнувъ
оставляетъ тебѣ въ награжденіе за
всѣ швой безпокойства горькое раская-
ніе и нестерпимую досаду, шѣрзающую
безъ жалости нѣжное швое самолюбіе

и самую твою совѣсть; чувствованіе, верхъ твоего блаженства, и ужаснѣйшее твое мученіе составляющую, во всѣ дни твоего бытія.

Чтобъ содѣлать существованіе свое пріятнымъ, щастливымъ и полезнымъ для себя самаго и для окружающихъ челоуѣковъ, непременно должно быть добродѣтельныю во всей силѣего слова: Должно быть-справедливу. *Справедливость* или *правосудіе* есть первое изъ добродѣтелей, и служитъ всѣмъ имъ основаніемъ. Ученый мужъ Симонидъ даетъ намъ очень ясное объясненіе, говоря что одна сія добродѣтель заставляетъ насъ отдавать каждому то, чемъ ему должны, и что ему принадлежитъ. Нѣкоторый просвѣщенный правоучитель нашихъ временъ изъясняетъ еще лучше, сказывая, что *правосудіе* есть *сходственность дѣяній съ законоположеніемъ*; но онъ чрезъ сіе разумѣетъ законоположеніе или уставъ природою на сердцѣ на-

черпанный, а не гражданскій, который часто пропировѣчишь сему первобытному закону. Правосудіе или справедливосшь есть непремѣняющееся разположеніе доставлять и допускать каждому человеку пользоваться всѣми шѣми способностями, правами, вещами, которые нужны ему для его щестія. Сіе разположеніе не только въ томъ состоитъ чѣтобъ не возмущать спокойствія ближняго, но еще сколько есть въ нашей возможности помогать, и всѣми средствами доставлять каждому бытію нашего рода самовласно разпологать самимъ собою, своею волею ошъ природы ему данною, своимъ имуществомъ, своею собственностию благопріобрѣтенною. Однимъ словомъ, справедливосшь намъ предписываетъ не дѣлать того другимъ, чего не желаемъ, чѣтобъ намъ дѣлаемо было; и слѣдственно воздержаться ошъ всего того, чѣто можешь какимъ-либо образомъ ближнему вредишь, или огор-

ченіе и непріятності наноситъ. Правило сіе утверждается слѣдующею истиною : никто въ обществѣ не можетъ имѣть или пріобрѣсти права, вредъ наноситъ или злодѣйствовать. Право есть способность или власть, копорыя дѣйствіе согласуется съ правосудіемъ или со справедливостію и съ полезностію общества; общество же само собою есть полезно, когда оно сохраняетъ справедливость или правосудіе между своими членами его составляющими. Справедливости придаютъ еще наименованіе *права*, для того, что правитъ или уравниваетъ положенные самою природою неравенства между людьми; она обуздываетъ могущество, защищаетъ слабого противу сильнаго, бѣднаго противу богатаго, добросердечнаго противу злоковарнаго. Всѣ члены общества участвуютъ въ правосудіи или справедливости; безъ него никто ни въ чемъ увѣренъ и благонадеженъ бытъ не мо-

можетъ. Несправедливый человѣкъ разрываетъ общественную связь соединяющую его съ другими, а разорвавъ ее дѣлается злодѣемъ или врагомъ всѣхъ членовъ. Онъ симъ удаленіемъ отъ обязанностей своихъ даетъ каждому право не доброхотствовать и вредить ему самому. Дѣлаемое симъ нарушителемъ общественного покоя злоупотребленіе изъ своихъ правъ усиливаетъ или утверждаетъ его со-общественниковъ въ ихъ правахъ, которыхъ сила и должна быть приведена въ дѣятельность для отвращенія причиняемаго имъ зла или помѣнательства въ ихъ благодѣяніи. Никакая власть или могущество не можетъ дать правъ, такъ какъ и отнять законныя права. Одна справедливость или правосудіе доставляетъ истинныя или законныя по достоинству права. Общество тогда только имѣетъ право надъ своими членами, когда оно всегдѣшнее имѣетъ стараніе о достав-

деніи имъ всякихъ выгодъ, всякаго добра. Управляя челоуѣками въ должномъ порядкѣ есть неусыпно шудиться о устанолвеніи безмятежнаго ихъ покоя, изобилія, благоденствія; пещись, чѣобъ правосудіе или справедливостъ между всѣми во всей почности соблюдаета была, чѣобъ каждый безпрепятственнo пользовался своими законными правами. Уставъ или законоположеніе ничѣо иное есть какъ правило справедливости, предписанное всѣмъ согражданамъ для распоряженія своего поведенія, своихъ дѣяній до всего общества относящихся. Власъ ничѣо иное есть, какъ право содержать или хранить въ обществѣ правосудіе или справедливостъ. Правосудіе по словамъ Платона есть соль жизни; и въ самомъ дѣлѣ оно сохраняетъ все отъ поврежденія; оно дѣлаетъ ненарушимыми и священными особо и собственностъ или имущество другихъ. Человѣкъ единъ есть власъ

гителъ самъ надъ собою; онъ живетъ въ обществѣ съ тѣмъ, чтобъ быть въ безопасности и въ спокойствіи; и по тому общество обязано обезпечить сіе самовластіе надъ собою всѣхъ своихъ членовъ вообще и cadaго особо, свободное употребленіе законныхъ ихъ правъ и обладаніе вещей содѣланныхъ ими, трудомъ и трудомъ, собственными. Откуда и слѣдуетъ, что никакая власть на земли, не имѣетъ права похитить у человѣка его свободу или вольность, которая ничто иное есть, какъ непринужденное изволеніе избирать надежнѣйшія средства къ снисканію и утвержденію своего благосостоянія не отдаваясь ни мало опъ правосудія и законоположеній въ обществѣ свято хранимыхъ но исполняя ихъ во всей точности спрожайшимъ образомъ. Сіе есть истинное и дѣйствительное означеніе вольности, а не то, чтобъ быть никому и ни чему неподвластнымъ. Власть въ рукахъ

честнаго, просвѣщеннаго и добродѣ-
тельнаго человѣка, есть надежнѣйшая
ограда и спокойнѣйшій покровъ для
всѣхъ здравомыслящихъ человѣковъ.
Общество для своего спокойствія не-
премѣнно должно законоположеніями
своими, на правосудіи основанными,
охранять и защищать собственность
каждаго изъ своихъ членовъ. Человѣкъ
получаетъ законное и не отъ емлемое
право надъ всѣми иными вещами, коихъ
обладаніе стоило ему труда и попе-
ченія. Въ противномъ случаѣ обще-
ство совершенно для насъ бесполезно
и несносно, когда нѣтъ въ немъ безо-
пасности свободы, собственности.
Правленіе лишшающее насъ справедли-
вости и не хранящее ее въ строгомъ
порядкѣ есть правленіе тягоспное, о-
торчипельное, оскорбляющее человѣ-
ческую природу, противъ котораго
сердце человѣка принуждаемо бываетъ
возставать и проливоборствовать.
Справедливость есть, какъ и прежде

сказано, основаніе всѣхъ общежитель-
ныхъ добродѣтелей. Иногда чувствы
шельность, нѣжность, любовь, дружба,
жалость представитъ могутъ намъ нѣ-
которыя прельщенія и наклонитъ насъ
къ пристрастію, но справедливость
должна управлятъ всѣми нашими чув-
ствованіями, она будучи не поколеби-
мою въ уставахъ предписываетъ намъ
не дѣлать никакого лицепріятія, ни-
же поползновенія. Всѣ союзы частныя,
крови, свойства, опечесства, должны
быть ей подвластны. Справедливость
есть истинное противорѣчіе любви,
которую мы сами къ себѣ имѣемъ, и
которая часто насъ ослѣпляетъ и съ-
пущи праваго сводитъ. Она научаетъ
насъ жертвованъ выгодами и пользами
малозначущими, скоропечными, выго-
дамъ твердымъ, отъ коихъ истинное
наше благо зависитъ. Она даетъ намъ
чувствовать, что мы дѣлаясь неспра-
ведливыми прошивъ нашихъ сообщест-
венниковъ, теряемъ все права на ихъ

къ себѣ любовь, почтеніе и вспоможеніе, безъ чего и общество и самая жизнь была бы несноснѣйшею тягостію. Справедливость есть основаніе общаго и частнаго благодѣяствія. Человѣки порочны и несчастливы по тому точно, что они несправедливы, что они слѣпо слѣдуютъ спрашамъ, что они не внимаютъ гласу здраваго разсудка, который пересматриваетъ законы и напоминаетъ имъ и добродѣтели, правдѣ, честности. Гибельна участь тѣхъ, для коихъ разсудокъ и совѣсть умолкнула.

Человѣкъ разсмащивающій самаго себя, свои пользы, свои обязанности въ общежитіи, свою цѣль, истинное его блаженство составляющую, найдеть непремѣнно, что необходимо должно совершенно полезно и неизреченно утѣшительно быть добродѣтельно, справедливо, человѣколюбиво, благотворительно, снисходительно, сострадателю, и гошю подавать по-

мошь ближнему. Чшо можешъ срав-
 нися съ шѣмъ неизглаголаннѣмъ у-
 довольствіемъ и возхищительнымъ ра-
 дованіемъ сердце добродѣтельнаго на-
 полняющимъ, когда онъ видишь предъ
 собою человѣка благодѣяніемъ его из-
 купленнаго, избавленнаго опъ спраш-
 ной темницы, освобожденнаго опъ тяж-
 кихъ цепей, кои онъ въ опчаяніи сво-
 емъ омывалъ всечасно торчайшими сле-
 зами, но по шомъ вкушающаго пріят-
 ности свободы, сладости объятій сво-
 ей нѣжной жены, любезныхъ дѣтей,
 и со всею своею обрадованную семьею
 въ слезахъ благодарностію извлекае-
 мыхъ упадающаго, и приносящаго ему
 въ жершву чувствованія своей при-
 нательности и шого, чего онъ въ вос-
 торгѣ радости изъяснить неможешъ?
 Восхищительнаго положенія сердца и
 чувствъ въ такомъ случаѣ и благо-
 творителя и благодѣтельствованнаго
 изобразить не можно. Велико удо-
 вольтвіе чувствуешъ шщеславный, ког-

да желаніе его исполняется, обшир-
ный его пишуль новымъ пустословіемъ
увеличивается, число знаковъ надмѣн-
ную его фигуру украшающихъ умно-
жается, способы казать важность свою
дѣятельною доставляючися, когда онъ
кривыми спезями выходить на такую
степень великія, на которой блистая
знаменитостію присвоаетъ себя право
требовать отъ всѣхъ поклоненій и
подобострастія, но сіе удовольствіе
его несовершенно для того, что и на
такой желаемой степени тщеславный
во внутренности своего сердца пиши-
ны и спокойствія не находитъ, ути-
шенная его совѣсть всегда его упре-
каетъ что онъ достигъ до своего бла-
женства средствами противными пра-
вотѣ и честности, а иногда и губе-
лю нѣсколькихъ подобныхъ себѣ че-
ловѣковъ. Скупою чувствуетъ такъ
же удовольствіе, когда онъ перечислы-
ваетъ любезныя свои деньги, перечи-
сляетъ золото, укладываетъ его и

крѣпко запираетъ, но сіе удовольствіе какихъ ему мученіи стоить? Всевивушный страхъ, чѣмъ не украли его сокровищъ, лишаетъ его пищи, сна, покою. Чѣмъ не быть благоприсойностию принуждену издержать нѣсколько денегъ; убѣгать прилипностей общежитія, утѣшеніи дружества, и всего того, что только улаживаетъ человѣческое бытіе. Сверхъ того чувствуетъ онъ въ совѣсти иногда и то, какимъ образомъ собралъ онъ свое сокровище, что онъ раззорилъ ближняго, лишилъ многихъ свободы, уморилъ честнаго человѣка въ темницѣ, за неплашежъ безчеловѣчныхъ процентовъ на проценты, принудилъ нещастливую вдову съ сиротами ея испрашивать себѣ милостыню, орошать выпрошенной кусокъ хлѣба слезами и терпеть все то, что бѣдность забѣшаго въ себѣ не имѣетъ. Состояніе скупаго есть самое мучительное такъ какъ онъ и самъ есть членъ общества

не только самый бесполезный, но еще и вредный. Спρασной любовникъ и-мѣетъ иногда восхищающее сердце его секунды, но сіе не продолжительно, и такъ скоропечно, какъ стрѣла пущенная искусною рукою изъ пугаго лука; нѣкоторое ошвращеніе почти нераздѣльно за тою же секундою слѣдующее упишаетъ стремленіе восторга, наклонность же къ перемѣнѣ, новостямъ, не постоянству (расположеніе только свойственное любовницѣ, какъ бы спрасною она ни казалась) погашаетъ жаръ, обуздываетъ пылкость, поселяетъ холодность и на послѣдокъ соплешаетъ конецъ своей комедіи, послѣ которой иногда и горестная драма бываетъ. Одна искренняя дружба даетъ намъ вкушать прямо пріятнѣйшія плоды; но къ сожалѣнію нашему истинная и чистѣйшая дружба, которая есть чувствованіе важное и о-думанное, такъ рѣдка, какъ черной бриліантъ, или бѣлое золото. И такъ

никакое удовольствіе не можетъ сравняемо быть съ удовольствіемъ добродѣтельнаго человѣка; человѣколюбіе есть пища благошворнаго и чувствительнаго его сердца; онъ въ немъ увѣренъ, что сею добродѣтелью отличается человѣкъ, но видитъ и то, что часто она попираема бываетъ ногами называющихъ себя разумными бытіями. Человѣколюбіе есть опрасль правоты. Быть человѣколюбиву есть быть расположенну отдавать каждому должную справедливость, входить въ состояніе своего ближняго, подавать ему помощь, утѣшать его, благошворить ему; однимъ словомъ, дѣлать добро охотнѣйшимъ образомъ всѣмъ человѣкамъ безъ разбору, хотя бы то и злодѣй его былъ. Сіе почтеніе достойнѣйшее и ошмѣнное расположеніе основывается на самомъ здоровомъ разсудкѣ и сходственномъ съ природою размысленіемъ, которое утверждаясь самою опытно-стью, намъ ясно и ошущительно дока-

зываютъ, что мы будучи людьми, по естѣ, бытіями чувствительными и слабостями подверженными, и по тому имѣя ежеминутно нужду въ посторонней помощи, должны непремѣнно, не останавливаясь, всѣмъ шѣмъ помогать, кто только имѣетъ въ томъ надобность, или кто потребуетъ, если хотимъ имѣть право требовать отъ того самаго отъ подобныхъ намъ созданій. Довольно человеку быть человекомъ, чтобъ имѣть право ожидать отъ человека всякаго вспоможенія. Къ оскорбленію чести есть однакожъ довольно такихъ людей, которые предавшись единому любленію самаго себя, взираютъ на страдающаго въ бѣдѣ и несчастіи ближняго своего, не чувствуя движеній сердца и дѣйствій состраданія. Сіе происходитъ не отъ одного жестокосердія или окаменѣлой нечувствительности сравнивающей человека съ бессмысленнымъ скотомъ, но по большей части

опять того, что при воспитаніи не внушены ему правила братолюбія, обязанности къ ближнему, священныхъ должностей общежительнаго бытія, не посвящены въ сердца его сѣмена жалости, снисхожденія, состраданія, человеколюбія, не исполковано ему оцѣпи, связывающей челоуѣка съ челоуѣкомъ, но открываемы только были ему тайнства о удовлетвореніи единыхъ своихъ прихотей, о удержаніи пышными и распочительными средствами знатности своего рода, о изъясненіи нѣмъ въ кругу своемъ глупаго высокомерія, слабости, и пуспозвонной важности. Въ семъ услажденіи самолюбія упоая челоуѣка видъ на себя носящій, дѣлается нечувствительнымъ ко всему тому, что не имѣетъ на собственное его утѣшеніе вліянія. Такому самолюбцу непонятно всегда будетъ то, что челоуѣколюбіе есть узелъ невидимо связывающій Француза съ Кипайцомъ, жителя Мадрида съ жителемъ Куриль-

скихъ острововъ, Италіянца съ Кам-
чедаломъ. Человѣколюбіе есть усло-
віе обязывающее равно всѣхъ членовъ
великаго семейства, коего различные
народы суть части разпредѣленные по
разнымъ мѣстамъ земнаго шара. Ника-
кое отдаленіе, никакое различіе народа
не изымлетъ человѣка изъ обязаннос-
тей природою предписанныхъ. Чело-
вѣколюбіе даетъ каждому изъ насъ пра-
во требовать правосудія, состраданія,
жалости, благошворенія отъ всякаго
чувствительнаго бытія, какой бы оно
земли закона, состоянія ни было; ни-
чѣмъ болѣе человѣкъ не можетъ пока-
зать совершенства своего бытія какъ
чувствительностію, человѣколюбіемъ,
швореніемъ добра ближнему и самому
своему злодѣю. Въ семъ единомъ со-
стоитъ истинная великость духа, ис-
тинное благородство, и совершенная
добродѣтель.

Не дѣлать ближнему зла, или воз-
держаніе отъ всего того, что можетъ

ближнему вредъ, огорченіе, несчастіе причинитъ, естъ вѣшвъ справедливости, по тому сія добродѣтель предписываетъ намъ спрочайшимъ образомъ воздержаться отъ обладанія тѣмъ, что принадлежитъ другому и что ему нужно, полезно, пріятно. Ничто не можешь бытъ оскорбительнѣе для человѣческава, какъ та мерзкая нечувствительность, съ которою жаждущій богатства человѣкъ разными безчеловѣчными способами ограбливаетъ ближняго, лишаетъ его пристанища, покрова, принуждаетъ его терпѣть горестную бѣдность, вкушать желчь отчаянія, которое нерѣдко заставляеть притѣсненнаго употребить смертоносныя средства ко избавленію себя отъ тѣхъ спраданій, отъ тѣхъ мученій, коихъ сила всю твердость духа погашаетъ, и дѣлаеть его способнымъ къ предпріятію тѣхъ ужасныхъ злодѣяній, о коихъ одна мысль прежде его устрашала. Плачевныя примѣры въ глазахъ

нашихъ произходящіе суть тому ощу-
пительныя доказательства. Самая и-
стинна, самая природа, самъ разумъ,
само чувствованіе нашего сердца пре-
буютъ отъ насъ, чтобы мы были къ
ближнему снисходительны, чтобы бли-
жняго любили, чтобы дѣлали ему доб-
ро. Любить бытія нашего рода и имъ
благошворить, есть любовь самого себя
въ полнотѣ, есть совершать собсп-
венное свое благо, свои выгоды, свои
пользы, свое утѣшеніе, для того что
пѣмъ самимъ твореніемъ ближнему
добра приобретаемъ право на его къ
себѣ любовь, на его намъ вспоможеніе,
а что всего болѣе, быть въ
совершенномъ спокойствіи и тишинѣ
самому съ собою. Быть благошвори-
тельной, великодушной, снисходитель-
ной, готовою на помощь, не есть ли дос-
тавлять самому себѣ внутреннее удо-
вольствіе, и наслаждаться восхищені-
емъ пѣхъ самихъ, когѣ мы нашимъ бла-
годѣяніемъ обрадовали? Въ добродѣте-

льномъ и чувствительномъ сердцѣ благошвореніе дѣлается само собою награжденіемъ себѣ, тѣмъ самымъ правомъ, которое оно намъ даетъ почитаніе самого себя еще болѣе, и похвалить самого себя по всей справедливости за сдѣланное добро. Кто можетъ имѣть основательнѣйшія причины получать почитаніе и любовь отъ общества, а отъ самого себя законное одобреніе, какъ не тотъ человекъ, который можетъ и хочетъ дѣлать счастливыми людей? Преимущество сіе ни съ чѣмъ сравниться не можетъ. Но сколько же такихъ, которые бы чувствовали всю цѣну сего преимущества? Счастливъ тотъ человекъ, кто имѣетъ способы въ своихъ рукахъ, и употребляетъ ихъ на содѣланіе судьбы ближняго счастливою! Почитанія достойно такое бытіе. Существованіе его есть благошворный изпочникъ, изъ коего сирый, бѣдный, несчастный

отраду свою, спокойствіе и утѣшеніе свое почерпаетъ.

Сорадоваться въ щастіи ближнему, сострадать ему въ несчастіи, соединять свои слезы съ его слезами, есть дѣйствіе нѣжнаго и чувствительнаго сердца; не бысть пронуну при видѣніи страждущаго въ бѣдствіи подобнаго себѣ чловѣка, взирающаго равнодушно на проливающаго въ сненаніи горькія слезы, есть дѣйствіе окаменѣлости, скопской и недостойной чловѣка нечувствительности. Жалость, состраданіе, суть расположенія, имѣющія побудительнымъ началомъ физическую нѣжность или мягкость составовъ нашего сердца, возбуждаемую воображеніемъ, представляющимъ намъ живо несчастіе или спраданіе бытія нашего рода или со всемъ различнаго; горестное и несчастное положеніе ближняго въ сердцѣ жалостномъ состояніе мучительное, тяжелое, замѣшательство духа безпокойное, больное, спѣснющее, и съ

нимъ вмѣстѣ желаніе видѣти скорое окончаніе того несчастія или спраданія. Чувствительный и жалосливый человѣкъ не старается узнавать причину, которой слѣдствія содѣлали несчастіе, но онъ видя только страдающаго человѣка, спремится всѣми силами ему помочь, и если возможно, и совѣмъ его избавитъ отъ тяжкаго и мучительнаго положенія. Утѣшитъ несчастнаго есть утѣшитъ самаго себя, есть удалить плачевную картину изъ нашего ума, и на мѣсто ея вселитъ веселую, пріятную мысль, опраду и спокойствіе духа, яко слѣдствіе утѣшительное содѣланнаго нами ближнему добра. Сіе то положеніе духа есть истинное блаженство смертнаго.

Древніе полагали твердость духа, храбрость въ число добродѣтелей: сія добродѣтель была бы смертоносною и звѣроподобною, ежели бы подъ симъ именемъ не разумѣлась одна только военная храбрость, которая и понынѣ,

къ стыду человѣческа, у столькихъ народовъ въ великомъ уваженіи, хотя она обыкновенно означаетъ несправедливостями, грабительствами, раззореніями, и убивствами съ холодною чинимыми, и безо всякой при томъ жалости. Но твердость духа есть расположеніе полезное, подражанія достойное и добродѣтельное, когда симъ именемъ означаемъ ту храбрость, силу, ту великость духа, которая возбуждаетъ добраго гражданина исполнять священный свой долгъ, служить своему отечеству, пользу его жертвовать собою, защищать его съ пощреніемъ своея жизни отъ внѣшнихъ и внутреннихъ злодѣевъ, нарушителей общаго покоя и благоденствія. Когда она въ самыхъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ случаяхъ возвышаетъ сердце чловѣка, и не допускаетъ его до паденія или до униженія. Когда она надежнѣйшимъ образомъ присоединяетъ чловѣка къ истинной добродѣтели.

опиетая всякой примѣръ, всякое прельщеніе могущее его поколебать, и принудить сдѣлать что-либо прошивное правотѣ и истинному разуму. Человѣкъ носящій въ себѣ сердце, напоенное таковою твердостью духа, есть бытіе почтенія достойное, любезное. Слабой человѣкъ безъ характера, безъ твердости духа, безъ правилъ, по которымъ онъ дѣянія и поведенія свои располагать долженъ, есть бытіе несчастное, жалкое, а часто вредное потому, что онъ самъ въ себѣ не увѣренъ, самъ на себя не надеженъ, готовъ всегда послѣдовать склонностямъ другихъ, подражать имъ въ спрассахъ ихъ, и самыхъ порокахъ, не входя, или лучше сказать, по слабосилію своему не разсуждая о томъ что онъ дѣлаетъ и какой тому конецъ быть долженъ, а симъ слѣпымъ и безрассуднымъ своимъ подражаніемъ или послѣдованіемъ чужему уму не рѣдко дѣлается вреднымъ членомъ въ своемъ кругѣ, и го-

раздо опаснѣе для ближняго, нежели самой развратной и злой человекъ ; всякой слабой человекъ весьма легко дѣлается самымъ несправедливымъ, а по тому и вредоноснымъ. Онъ неимѣя ни сильныхъ спраспей , ни сильныхъ наклонностей, вѣритъ и слѣдуетъ всему тому, что ему ни скажутъ, и что его льстятъ или общаются въ ту самую минуту ему утѣшительное, какъ малому дитяти, которому онъ совершенно уподобляется. Истинная храбрость, твердость духа основана должна быть на совершенномъ любленіи правоты. Сила у дикихъ народовъ есть отважность безрасудная, звѣрская. Истинная твердость , великость духа , благородство чувствованій , прямая храбрость весьма рѣдки въ народахъ развращенныхъ нравовъ, уповающихъ въ роскоши, ослабленныхъ нѣгою и пороками. Надобно имѣть много твердости духа, чтобы быть добродѣтельнымъ въ той землѣ, гдѣ добродѣтели

ненавидима или въ посмѣяній, гдѣ пороки опираясь на развращеніи, гордымъ и презрительнымъ глазомъ взираешь на смиренную и молчаливую добродѣтель, какъ на своего непремиримаго злодѣя, а часто и попираешь ея ногами безъ малѣйшей жалости. Въ развращенномъ необузданными пороками обществѣ, каковыми свѣтъ изобилуетъ, сохранишь всю чистоту нравовъ, устояшь противъ разнообразныхъ прельщеній, быть справедливу, быть добродѣтельно во всей силѣ слова, есть дѣло, прямо твердаго и великаго духа. Къ несчастію нашему по правиламъ большей части законовъ свѣта, подобная непоколебимость или твердость духа должна исключена быть изъ числа добродѣтелей, по тому что она во всемъ своемъ величій не можетъ быть согласна съ теми правилами особливо, которая покаяя себѣ человеческое сердце, отъемлютъ у него всѣ силы, всю волю, носъ, всѣ напряженія, а если они и

могутъ сносить какую-либо швердоспъ духа, по наипаче какъ шакую, которая должна непременно быть спрадапельная, и шакая, коей все достойнство состоитъ въ томъ, что бы глупо, подло и безмолвно сносить всю шягоспъ оковъ, которыми несправедливоспъ, суевѣріе, безчеловѣчіе и безразсудноспъ удручаютъ родъ человѣческой, и шѣмъ самимъ совершаютъ истинное его шаспіе. Блогоразуміе полагается шакъ же въ число добродѣшелей; но въ самый силъ его означенія, оно не должно опличаемо быть отъ разума, которой будучи изощренъ просвѣщеніемъ, сопровождаемъ опытноспію и размышленіемъ, даетъ намъ силу предчувствовать, предвидѣть и убѣгать шого, что можетъ намъ вредить само по себѣ или опдаленными слѣдствіями, или что могло бы быть способно лишить насъ любленія намъ подобныхъ, и произвеспи въ нихъ къ намъ негодованіе и самое опшращеніе.

Благоразуміе, можно сказаць, есть разсудительный страхъ слѣдствій, могущихъ произойти отъ нашихъ дѣяній. Сей страхъ весьма нуженъ каждому чловѣку, спарающемуся исполнить свято обязанності общезипія, а особливо необходимъ тѣхъ, кои управляють народами, и коихъ непремѣнный долгъ есть предвидѣть и предупреданъ случаи и произшествія, способныя ииѣть какимъ-либо образомъ вліяніе въ общее благо. Благополученъ совершенно попу народъ, надъ коимъ се благоразуміе, сей страхъ во всей своей силѣ царствуетъ. Блаженны дни его въ тишинѣ и спокойствіи шекущіе, яко дни пшеницъ подъ тѣнію крыла маіери своей покоющихся.

Таковы суупъ тѣ истинныя добродѣтели, основанныя на сущихъ пользахъ и вѣрныхъ выгодахъ, которыя должны бытъ непремѣнно послѣдуемы каждымъ разумнымъ бытіемъ. Человѣкъ безъ сихъ и другихъ добродѣте-

лей, о коихъ подробно изъяснишь малость сихъ листовъ не дозволяетъ, есть пребѣдное существо, есть одушевленное твореніе, отъ котораго ни пользы ближнему, ни пользы обществу ожидать не можно. Добродѣтели сего отдѣленія нужны всему роду человѣческому; полезность ихъ невымышленная, не минувшая, и не вдругъ исчезающая, но такая, которая даетъ себѣ чувствовать сердцу каждаго бытія размышляющаго, и зло отъ добра отличаящаго. Онѣ не зависятъ отъ согласій и приходей пристрастныхъ и о себѣ только самихъ мыслящихъ людей, но главное и ощущительное ихъ напряженіе состоитъ въ томъ, чтобы доставить своимъ послѣдователямъ истинное благополучіе и совершивъ блаженство, котораго каждый изъ смертныхъ жаждетъ, но не вѣдомы ему шѣ стези иногда терніемъ усыпанныя, коимъ достигаютъ до верховнаго блага. А онѣ стези суть шѣ

самыя добродѣтели, о коихъ выше сего изъяснено, и коихъ послѣдованіе и исполненіе сподѣ легко; сподѣ пріятно, полезно и усладительно. Все намъ доказываетъ, что первая долж- ность, первая обязанность есть быть справедливу. Справедливость тре- буетъ, чтобы человекъ былъ обществу полезенъ для того, что оно ему са- мому полезно и нужно. Признатель- ность есть правило справедливости и чувствованіе благорасположеннаго и честнаго сердца; признательность такъ же требуетъ отъ человека, что бы онъ за всѣ благодѣянія отъ своего отечества получаема не щадилъ бы себя на его служеніе; однимъ словомъ, все насъ обязываетъ служить по силѣ и способностямъ нашимъ отечеству и вспомошествованъ, сколько есть въ нашей возможности, благоденствію нашихъ согражданъ и всему роду че- ловѣческому. Повторяю еще, что въ приносимой или шворимой нами ближ-

нему и обществу полезности, состоятъ достоинство и величіе человѣка и самая добродѣтель. Если мы желаемъ, чтобъ житіе наше въ обществѣ было намъ пріятно, и самая жизнь была бы утѣхами исполнена, то справедливость самая пребудетъ опъ насъ, что бы мы содѣлывали себя пріятными и полезными тѣмъ бытіямъ, которыми частной нашъ другъ или малое наше общество составляютъ.

Вопъ истинное правило, на коемъ основывается необходимость быть готову всегда прощать слабостямъ и погрѣшностямъ другихъ, имѣть тихой и миролюбивой нравъ, снисхождение къ ближнему, непритворную ласковость, искреннее желаніе по силѣ своей дѣлать добро, учтивость, вниманіе ко всѣмъ, а особливо къ почтеннымъ сѣдинамъ, украшающимъ мужей честныхъ, претерпѣвающихъ на пути своей жизни многія перемѣны, о коихъ мы и понятия не имѣемъ, предавшись разсѣянію, имѣемъ

не можемъ. Сии всѣ добродѣтели приобрѣтають намъ непремѣнно любовь и почтеніе оныхъ окружающихъ насъ человѣковъ, доставляють намъ ничемъ неоцѣнимое право любить достойно самихъ себя, поселяють въ сердца наши удовольствія ни съ чѣмъ несравненныя, успокоивають и веселятъ нашу совѣсть, наполняютъ духъ нашъ спокойствіемъ и тишиною. Что можетъ быть сего восхищительнѣе и совершеннѣе? Сии суть награжденія добродѣтельному человѣку предоставленныя; онъ одинъ ими наслаждаясь съ самымъ безмятежнымъ сердцемъ и съ совершенною безопасностію, путешествуетъ въ жизни, для порочнаго спремня и пропащей спезю полную, а для него изъ опрады и утѣшеній сплетенную. Одинъ добродѣтельный человѣкъ ходя путемъ правды и чело-вѣколюбія, спокойнѣйшимъ глазомъ взираетъ на приближающійся конецъ его дней, и на самое свое разрушеніе, какъ

на произшествіе необходимое, предписанное самою его природою. Воспоминаніе о немъ и искренное соболезнованіе остається на должайшіе годы въ сердцахъ его благодарными утѣшенныхъ, ошастливленныхъ людей. Онъ и по кончинѣ своей благословляется благодарными ему и признательными бытіями. Повѣствованіе о его добродѣтеляхъ служить утѣшеніемъ для добрыхъ сердецъ и примѣромъ подражанія достойнымъ. Конецъ добродѣтельнаго благъ, и память о немъ любезна; чего каждому человѣку желать должно, и болѣе нежели прочихъ блестящихъ и скороизчезающихъ благъ, копорыя улаждая на минушу наше ненавистное самолюбіе, превращаются въ шигровъ, горестными нашими слезами, раскаяніемъ и мученіями нашими пипающихся. Избѣжать сего можно единымъ добродѣтельнымъ жиціемъ.

П О Р О К Ъ.

Жизнь наша есть совершенное странствование или пупешествіе. Проходя сей путь къ сокрытому отъ насъ концу или предмету, чего не увидимъ? чего не претерпимъ? всякой размышляющій человекъ знаетъ и чувствуетъ; говоришь о семъ такъ же излишне, какъ и судишь о предметѣ нашего существованія, нашего всечаснаго странданія и попеченія непоспѣжимо. Размышлять и опредѣлять, на какой конецъ я существую, и все мною видимое рождается, живетъ, измѣняется, преобразается, и по моему слабому мнѣнію исчезаетъ, есть не моего ума дѣло. Быспропарящіе умы много о семъ судили, много бумаги писали; но всѣ они, блаженная имъ память, ничего положительнаго, точнаго, вѣрнаго и убѣдительнаго не сказали; оспаривали только намъ начертанія, доказывающія остроуму и бѣглости ихъ во-

ображенія, шонкость мыслей, и порядочное расположеніе своего мнѣнія или своей системы. Винить ихъ въ томъ не можно и не должно для того, что они были такіежъ человѣки, думали такъ же не совершенно какъ и мы теперь думаемъ. Время, нечаянность, случай окрываютъ намъ познанія, раждаютъ новыя понятія, увеличиваютъ наши свѣденія. Въ нынѣшнемъ году изобрѣлъ въ Англіи одинъ ученый человѣкъ новыя спеклы, помощію копорыхъ открылъ онъ новыя и несвѣдомые при новой же планетѣ спутники, и въ лунѣ огнедышущія горы. Сіе доказываетъ ощутительно, что изобрѣшаемыя вновь средства открываютъ намъ множество не извѣстнаго. Какаяжъ тѣма не свѣдомаго остается еще не открытаго? Увѣренъ будучи въ сей неоспоримой истинѣ, проспительно ли думать, что мы все знаемъ, что мы достигли досовершеннѣйшаго познанія, что нашъ вѣкъ есть, вѣкъ самый про-

свѣщеннѣйшій. О человѣкъ! не вѣрь ему, скажи каждому сіе намъ доказывающему, что онъ говоришь несправедливо, что онъ наполненъ будучи высокаго о себѣ мнѣнія, обманываетъ самъ себя и окружающихъ его пакихъ же малосвѣдущихъ о мірѣ и природѣ, коея дѣйствій и чудесъ бездна сокрыта отъ нашего, едва дѣйствующаго и проницающаго ума. Опложи свою гордость и признайся чистосердечно самъ предъ собою, что ты очень и очень мало понимаешь и то что видишь, и что тыма темъ предстоишь тебѣ неизвѣстнаго, непостижимаго, сокрытаго. Умали свою надмѣнность и скажи, какъ Сократъ: *я ничего не знаю*. Тогда ты будешь совершенно разуменъ. Познавать самого себя есть наука необходимая и превосходнѣйшая. Довольно для тебя, чудное сотвореніе, человѣкъ, вмѣсто всѣхъ твоихъ спараній, доходишь до яснаго понятія, что такое есть солнце, свѣтъ ли, вещество ли какое въ

безпрерывномъ движеніи въ своемъ средоточіи пребывающее, или существо особливато и неизвѣснаго огня? А о прочихъ подобныхъ чудотворныхъ вещахъ и видимыхъ явленіяхъ, занимаешь, узнаешь самого себя, свои обязанности въ общежитіи, свой долгъ къ ближнему, священную связь соединяющую человека съ человекомъ, и все сіе спознавши, всѣ силы своего ума и сердца усмремляешь на управленіе самого себя въ должномъ порядкѣ, быть довольну даннымъ непостижимою десницею тебѣ жребіемъ, исполнять свято должности бытія въ обществѣ живущаго, любить ближняго, дѣлать ему добро, жить миролюбиво, и такъ что бы войдя самъ въ себя, находилъ ты сердце свое въ полномъ удовольствіи, здравой разсудокъ не въ запущеніи или замѣшательствѣ, но въ совершенной силѣ и дѣйствіи, совѣсть твою не только спокойную, но еще веселящуюся о твоихъ дѣланіяхъ; а сіе сладчай-

шее состояніе духа имѣшь будешь, какъ скоро станешь слѣдовать добродѣтели образомъ выше сего предложеннымъ, и убѣгаешь порока, яко злѣйшаго своего врага, который прельщая, смертнаго разнообразными признаками, поражаетъ его ядомъ въ сладости сокрытымъ. Но что за чудовище сіе есть лорокъ? О семъ просвѣщенному чина-телю коротко здѣсь изъяснишь пріятнѣйшимъ долгомъ поставляю.

Многіе ученостию гордящіяся умствователи видя, что пороки, слабости, недостатки столь свойственны чело-вѣку, и что безчисленное множество разнообразныхъ пресступленій и злодѣяній наполняютъ всапръ свѣта, на коемъ каждый изъ насъ свою смѣшную или плачевную, подлую или важную игру представляетъ, заключили, что человѣческая естественность есть сама по себѣ развращенная, и что природная склонность влечетъ чело-вѣка ко-злу, но они въ семъ ощутишельно по-

грѣшають, для того что они полагая сіе, не имѣли точныхъ и истинныхъ понятій о природѣ человѣка. Человѣкъ родился съ нуждами; сіи нужды раждають въ немъ желанія сильнѣе или слабѣе; сіи желанія называются *страстями*, которыя по образу хорошаго или худаго ими управленія, становятся пороками или добродѣтелями, то есть, дѣлають того, кто ихъ въ себѣ больше или меньше силы чувствуетъ, вреднымъ самому себѣ или другимъ, любви или ненависти достойнымъ, пріятнымъ или несподобнымъ у шѣхъ, надъ коими слѣдствія добрыхъ или злыхъ его дѣлъ дѣйствіе свое оказываютъ или вліяніе имѣють. Однимъ словомъ, по мѣрѣ, силѣ, стремленію, употребленію и управленію сихъ страстей, человѣкъ становится добродѣтельнымъ или порочнымъ, почтенія и подражанія или презрѣнія и ненависти стоющимъ. Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что дѣйств-

вующихъ въ человѣкѣ спрасшей больше или меньше стремительность, зависить точно отъ его врожденнаго свойства или его естественности, то есть, отъ силы или слабости его состава, его членовъ, его пружинъ, отъ глаза и понятія уходящихъ, его сопряженія частицъ, его темперамента, его жизненнаго невидимаго и неосязаемаго огня въ движеніе все его совершенное и чудное устройство приводящаго. Извѣстно еще и то, что сіи самыя природою его данныя или производимыя расположенія, коихъ ни одинъ человѣкъ самъ въ себѣ испребишь или не научась видѣть самимъ собою, господственно управлять не можетъ, способствуютъ, или лучше сказать, опредѣляютъ ему быть больше или меньше склонну къ добру или злу, содѣлывающъ его добрымъ или злымъ, добродѣтельнымъ или порочнымъ. Сіе извѣстно по самой опытности, что есть нѣкоторые человѣки такимъ сп-

раннымъ образомъ сложенные и образованные, что чрезвычайной трудъ и попеченіе неусыпное употребить должно, чѣмъ переобразовать ихъ во всей ихъ сущности, дать имъ новую силу и способность быть полезными и при-
ятными членами общества. Все сіе чело-
вѣка перерожденіе зависитъ точно
отъ воспитанія; ибо доказано неоспо-
римымъ образомъ, что чело-
вѣки больше отъ худыхъ наставленій, отъ ху-
дыхъ примѣровъ, отъ худыхъ понятій,
отъ самая безразсудности или глу-
пости, нежели отъ врожденной раз-
вращенности (чему быть никакъ не мож-
но) подвергаются необузданнымъ сп-
раснямъ, то есть порокамъ, слабос-
тіямъ, пресупленіямъ, къ собствен-
ному ихъ же несчастію и поздому ра-
скаянію. Если спрасни чело-
вѣку ес-
тественны, то худое ихъ употребленіе
противно и вредно его природѣ. Ког-
да уже намъ такъ предсказано, что
мы не можемъ ни на одну минуту въ

жизни нашей не пещись о нашем благоденствіи, о нашем удовольствіи, то необходимо и согласно съ естественностію разумнаго бытія, чѣмъ мы въ должномъ и строгомъ порядкѣ имѣли свои дѣянія, удерживали бы стремленіе спрасней или пылкость желаній, прошивились бы всею силою здраваго разсудка изъ нихъ шѣмъ, кои могутъ намъ вредить при самомъ ихъ волнованіи или отдаленными ихъ дѣйствіями и слѣдствіями, чего не можетъ человѣкъ съ собою дѣлать, если не будетъ прежде всего стараться знать самаго себя, знать свои силы, и слабости, и тогда онъ сможетъ управлять собою къ собственной своей пользѣ и къ пользѣ общества. Если общежитіе столь свойственно и необходимо человѣку и съ самою его природою согласно, и что оно по причинѣ доставляемыхъ ему вспоможеній и утѣшеній пріятно, любезно, то все ему и доказываетъ, что

самая его таже природа или естественность требуетъ воздержаться отъ гибельныхъ преступленій, убѣгая пороковъ, быть добрымъ и всѣми силами удерживать свой стыдъ, исправлять слабости и недостатки, которые могли бы его сдѣлать презрительнымъ и несноснымъ въ его кругѣ, въ его частномъ сообществѣ. Ничто не можетъ быть естественнѣе чело-вѣку, какъ любить удовольствіе: но вдаваясь безразсудно побужденіямъ ко удовольствію, поступаешь онъ противъ своей природы и противъ естественности бытія общежительнаго, по тому что предавшись онъ такимъ удовольствіямъ, кой способны навлечь ему презрѣніе и отвращеніе, онъ подвергаетъ себя и самой ненависти отъ его сочленовъ. Всѣ наши удовольствія, забавы, утѣшенія должны быть одобрены обществомъ, въ которомъ мы живемъ; потребно его на то согласіе, безъ чего они не могутъ быть проч-

ны, спокойны и незазорны, чего всегда убѣгать должно со тщаніемъ. Всякое удовольствіе нашихъ страстей нарушающее общественную благопристойность, честь, спокойствіе, есть преступленіе. Естественнo челоѡку любить самаго себя, но пропивно и мерзко естественности челоѡка не любить никого, кромѣ самаго себя, пошъ, кто любить только самаго себя; не имѣетъ права требовать любви и пріязанности, вспомошествованія, и защиты отъ другихъ.

Если кто путешествуетъ въ жизни или свѣтѣ суешностей и огорченій и самыми гибельными пропасшми преисполненномъ, одинъ самъ собою, пошъ, увѣряю точно, не можетъ путешествовать съ пріяшностью и безопасностью. Всякому смертному нуженъ совѣтъ, нужна помощь, необходимъ наставникъ путоводитель. Горестно того существованіе, бѣдственно странствованіе, кто себя только любитъ.

кто на себя только надѣется, кто не увѣренъ въ сей неоспоримой истинѣ, что, безъ помощи ближняго человѣкъ прожить не можетъ... Если полезные для общества расположенія называть должно добродѣтелями, какъ уже довольно доказано; то пропившіяся непосредственно сами собою или своими слѣдствіями благосостоянію рода человѣческаго, пользѣ ближняго, пищи и благоденствію общества, расположенія и дѣянія, называть должно пороками. Разность дѣяній и расположеній нашихъ ощущается по разности ихъ слѣдствій; одни по своему существу намъ полезны, намъ пріятны, другія такъ же по своей естественности намъ вредны, пропивны, оскорбительны, гибельны. Если любовь наша къ самимъ себѣ, основанная на здравомъ разсудкѣ и истинная наша польза требуетъ отъ насъ, что бы мы были добродѣтельны, то тѣже самыя побужденія, споль свойствен-

ныя и столь нужныя человѣку, обязываютъ насъ гнушаться злодѣянiемъ, презиратьъ порокъ, и всего того убѣгать и спрашивать, что можетъ намъ самимъ и ближнему вредъ, несчастiе, оскорбленiе, горестъ причинять. Чего не должно ожидать бѣдственнаго и уязвительнаго отъ человѣка, преклонившагося стремленiю страстей и порокамъ. Существованiе его гибельно для него самаго и спрашно для составляющихъ его кругъ.

Добродѣтель въ самомъ существѣ ничто иное есть какъ совершенное общежитiе. Одинъ только добрый человѣкъ есть бытiе прямо общежительное, то есть такое, которое спрожайшимъ образомъ выполняетъ всѣ обязательства истиннаго члена общества и въ томъ находитъ полное и спокойное благосостоянiе. Злой человѣкъ есть всегда бытiе необщепительное и нелюдимое. Порочный человѣкъ есть тошъ, кошорой спарается только о

1

удовлетвореніи своихъ развратностей, своихъ не обузданныхъ страстей не помышляя нисколько о томъ, что онъ тѣмъ производить въ своемъ кругу развращеніе нравовъ, соблазнъ и самой вредъ, нарушаетъ правила нравственности, до тишины общественной касающіяся. Порочный человѣкъ есть самъ себѣ злодѣй. Безчестность, злость, ненавидѣніе и нежеланіе добра ближнему, суть совершенно сильныя причины къ возбужденію во всѣхъ не на-висти и презрѣнія къ тому кто сіи нечестныя, человѣческой природѣ разположенія въ себѣ имѣетъ. Всякое щастіе, всякое блаженство порочными средствами добытое не можетъ быть прочно, не зазорно, спокойно, продолжительно, совершенно. Стыдъ, оноещеніе, позоръ и мучительное раскаяніе преслѣдуютъ порочнаго всеобщно. Всѣ добродѣтели основываются на справедливости и въ ней утверждаются. Всѣ преступленія, всѣ по-

роки, всё дѣйствительныя потребности
 суть опдаленія больше или меньше
 явныя отъ правоты нарушенія больше
 или меньше чувствительныя нашихъ
 обязанностей, нашихъ должностей въ
 разсужденіи другихъ, совершенныя
 несправедливости удаляющія ближня-
 го отъ насъ и отъсмѣлющія у него пра-
 во быть въ нашихъ общежитіи, а насъ
 лишающія члена. Но лишеніе пороч-
 наго и по тому вреднаго члена есть
 полезное избавленіе и предупрежденіе
 гибельныхъ слѣдствій для всего обще-
 ства, такъ точно какъ опнытіе или
 опсѣченіе заразительнаго въ человѣче-
 скомъ тѣлѣ сосуда, хотя болѣзнен-
 но; неспасительно для того, что
 чрезъ то самое сохраняются отъ за-
 раженія другіе сосуды, и пресѣкается
 спрахъ и мученіе. Жестокость, про-
 долженіе, или лучше сказать, ядови-
 тость несчастій приключаемыхъ наши-
 ми спрасъми, нашими пороками ближ-
 нимъ нашимъ, доспаляетъ намъ точ-

ное измѣреніе, точной весъ и вели-
кость отвращенія, презрѣнія, наказа-
нія, поущенія, заслуживаемаго наши-
ми злыми дѣянiями и расположенiями
неблаготворными, вредоносными. Дол-
жно именовать преступленіемъ, зло-
дѣянiемъ, всѣ тѣ дѣянiя человѣка ко-
торыя причиняють въ обществѣ смя-
шеніе, беспорядокъ, важной вредъ,
соблазнъ, или которыя возвыщаютъ
намъ что шомъ, кто подобное шому
въ дѣйствіе производитъ преиспол-
ненъ бѣдственными расположенiями и
злыми качествами для окружающихъ
его человѣковъ или прикосновенныхъ
къ его кругу членовъ. Пороками на-
звать должно всѣ естественные (что
весьма рѣдко бываетъ) или отъ ху-
дыхъ примѣровъ занятыя расположе-
нiя, отъ коихъ ближнему произхо-
дитъ или коихъ дѣйствiя и слѣд-
ствiя приносятъ ему болѣе вреда, не-
жели добра. Недостатки, несовер-
шенства, слабости, суть ничто иное

какъ лишеніе или неимѣніе нужныхъ качествъ для пріобрѣтенія любви и почитенія отъ тѣхъ бытievъ, съ коими мы живемъ : или суть такіа дѣянія происходящія отъ сильнаго послѣдованія побужденіемъ самолюбія или какой нибудь страсти, которыхъ слѣдствія не причиняють ближнему большаго вреда, но обращающагося самому тому , кто ихъ имѣетъ въ посмѣяніе и уничтоженіе. Но изъ сихъ недоспашковъ или слабости есть довольно и такихъ, которые суть недаспныя расположенія дѣлающія человека стыгоспнымъ, смѣшнымъ, презрительнымъ въ обществѣ, а особлива если они произтекають отъ зависти ревности, скупости, злоухищренія. Имѣющіи сіи гибельныя расположенія бѣдный человекъ , есть бытіе опасное , вредоносное и безчеловѣчное, которое безъ жалости лишаетъ ближняго чести , хорошаго имени, а иногда и самой жизни. Такого презрительнаго человека

помѣститъ уже довольно въ число самыхъ порочныхъ, если не въ число преступниковъ. Преступленія заслуживаютъ общественную ненависть и самое неупустительное и жестокое наказаніе; но наказывая преступленіе изъ жалости спасать должно человѣка. Пороки достойны презрѣнія и отвращенія. Не доспѣткамъ же и слабостямъ поспѣбно прощеніе, снисхожденіе, безъ чего и общество, какъ машина состоящая изъ частей тѣмъ же слабостямъ подверженныхъ, устоять не можетъ. Само челоуѣколюбіе изправляетъ у нашихъ сердецъ прощеніе слабостямъ ближняго, что мы сами всегда дѣлать должны и по тому и мы сами прощены будемъ нашими сочленами. Прощанъ погрѣшенія и самой обидѣ есть дѣйствіе великодушнаго сердца. Всякое убивство или опнытіе жизни у подобнаго намъ бытія есть преступленіе приводящее въ ужасъ всякаго чувствительнаго чело-

вѣка, пошому чпо такое злодѣяніе про-
шивно самой природѣ заставляешь
каждаго помыслишь, чпо и онъ легко
быть можетъ жертвою безчеловѣчнаго
сего разположенія. Но, опцеубивспво
не премѣнно должно возбудить въ
сердцѣ каждая человека еще болѣшій
ужасъ пошому чпо сіе спрашное пре-
спупленіе показывается совершенно звѣр-
ское и лютое сердце не чувствующее
никакихъ союзовъ, никакихъ священ-
нѣйшихъ обязанностей, бытіе спраш-
ное, ядовитое, гибельное. Если убив-
ство одного человека есть преспу-
леніе ненавистное и мерзкое: то ка-
кой должна произвести въ сердцахъ
нашихъ ужасъ обыкновенно не правед-
ная и опъ однихъ прихопей раждаю-
щаяся война коей непремѣнное дѣйствіе
есть погружать въ злѣйшія и сп-
рашныя бѣдствія цѣлые народы и цѣ-
лудя тысячи людей безвинныхъ и ни
мало неоскорбительныхъ и не вѣду-
щихъ ни очемъ безъ важности ввергать

во гробъ. При такомъ случаѣ чело-
вѣколюбіе ужасается, спонесѣ имол-
читъ. Но отъ чего сіе бываетъ? Отъ
того, что невѣжество и глупость и
слѣдствія ихъ, бѣдственныя предраз-
сужденія, но сіе самое время столько
противоборствовали и препясыивали
разсудку пріинпи во всю свою силу и такъ
запмили и смѣшали понятія о добрѣ
и злѣ, что великость преступленій
заставляетъ человѣковъ только себя
удивляться и съ почтеніемъ на себя
взирать, а не входитъ въ подробное
разбирание всего въ ней кроющагося я-
домъ напоеннаго. Украсть что-либо,
убить однако человѣка пріемлются за
гнусныя презрѣнія и наказанія досто-
йныя преступленія; но въ тоже самое
время когда о семъ разсуждаютъ съ
ужаснымъ опвращеніемъ, не съ вос-
торгомъ ли и удивленіемъ читаемъ или
слушаемъ повѣствованія о злѣйшихъ и
на небо вопіющихъ преступленіяхъ
поликихъ завоевателей, поликихъ ге-

роевъ и полководцевъ, которые имѣли славу разграбиль споль владѣній, огнемъ и мечемъ опустошили сполько земель, предать смерти безчеловѣчнымъ образомъ невинныхъ и спокойно обитающихъ жителей въ безчисленномъ множествѣ. Все сіе содѣлываетъ, славу, честь безсмертное имя. О! ужасное противорѣчіе! о! заблужденіе въ шрепеть приводящее чувствительныя сердца! чѣмъ здраво судить дѣянія челоуѣческія, чѣмъ почно знать, должныли они названы быть добродѣтелями или пороками, не должно полагаться ни на повѣствованія, которыхъ часто и самыя преступленія разписываютъ живѣйшими и прельщающими красками, утверждаются ни наобычаяхъ безъ великаго изысканія и со ображенія народами принятыхъ и попомъ невѣжествомъ и шираяспомъ утвержденныхъ, ни на мнѣніяхъ введенныхъ и поддерживаемыхъ кровожаждущимъ и безчеловѣчнымъ суевѣріемъ.

ниже основаться на самой философіи, которая у многихъ бываетъ модная и зараженная странными предубѣжденіями здравому разсудку смертельными врагами: но принявъ безпристрастность въ пушеводисели, разсматривать нужно истинный вѣсъ и почную цѣну вещей и дѣлъ, разбираешь ихъ скорочувствуемое или удаленное вліяніе въ благоденствіе смертныхъ и всѣхъ обществъ; судишь прямо не выходить ли истинныхъ несчастій и бѣдствій, изъ того, что часто предприимается единственно по маловременной и личной полезности, и не произвели бы того истиннаго благополучія, что сами человѣки по безразсудности своей отвергають и оспаривають. Человѣкъ очень часто, ежели не всегда, обманывается въ выборѣ средствъ желанное благо ему доставляющихъ. Прельщается тѣмъ, что самое его несчастіе со временемъ или въ шуже самую минуту составить можеть. Нравствен-

ность чистѣйшая должна показати намъ надежнѣйшіе способы къ достиженію нашего блаженства. Нѣтъ въ томъ сомнѣнія, что если бы нравственность долженствовала зависѣть отъ законоположеній, обычаевъ, мнѣній народныхъ, то главнѣйшіе ея правила не имѣли бы никакой твердости. Онѣ бы должны были перемѣняться такъ часто, какъ вкусы и подражанія. Самые безчестные обычаи, самыя противоположныя правотѣ, разуму, человеколюбію дѣянія находили всегда въ цѣлыхъ народахъ найтвердѣйшее поддерживаніе и послѣдованіе, въ Бogaхъ своихъ виновниковъ или причинодателей и производителей. Смотря на то, что жили сѣ малыя планеты земли такъ мало между собою согласны, во образѣ суждѣній тѣже дѣянія; не восходя выше, ложно себѣ представляють и думаютъ, что не существуютъ другаго правоученія для человековъ, какъ только то, которое принято и утѣжено.

въ ихъ землѣ, и что понятія о справедливомъ и ложномъ о честномъ и безчестномъ, о добродѣтели и пороки, однимъ онымъ о добрѣ и злѣ нравственномъ были всегда избирательныя и относительныя, то есть зависѣли отъ слѣпаго случая, отъ прихоти первоначальниковъ, отъ вздорныхъ народныхъ успавовъ, и часто отъ несправедливой и насильственной воли и власти шѣхъ, кои управляютъ и мнѣніями человѣческими и самою ихъ судьбою. Сіе неоспоримо, что люди болѣе управляются или ведомы властію, насиліемъ, обыкновеніемъ минутнаго пользою и нуждою, нежели благоразуміемъ предвидѣніемъ и здравымъ разумомъ. О сколь благополученъ пошъ народъ, надъ коимъ царствуя мудрой человекъ всю власть свою и самую беспредѣльную, употребляетъ только на снисканіе вѣрныхъ способовъ содѣлать его блаженнымъ, не щадишь ни своихъ трудовъ, ни сво-

ихъ попеченій, о его благополучіи, о его обогащеніи, жертвуешь своимъ покоемъ для утвержденія спокойствія своего народа, кропкою рукою и съ возможною нѣжностію снимая завѣсу невѣжества съ очей своихъ подданныхъ, открываетъ имъ надежнѣйшія пути къ истинному просвѣщенію. Споемъ намъ на себя безприсраспнымъ взглянувъ глазомъ чѣмъ увидѣшь ясно, что мы теперь точно въ семъ щасливѣйшемъ положеніи находимся.

Общая нравственность должна быть основана на общихъ нуждахъ рода человѣческаго. Но человѣки по всюду имѣютъ, свою собственную или мѣстную нравственность поработленную обычаями той земли, какъ бы они здорны и безразсудны ни были. Безполезно бы было писать о нравственности если бы она вездѣ и всегда зависѣла отъ власти и прихоти одного человѣка на котораго всѣ взираютъ глазами исполненными силы безразсуднаго

подражанія и не размышляя ни мало, послѣдующъ ему слѣпо, прошиваясь не рѣдко совѣшамъ здраваго разсудка. Безрасудно бы было возставать противъ ложныхъ мнѣній и спраспныхъ предразсуждений тамъ, гдѣ каждый послѣдуя закоснѣлому обычаю своего опечесива увѣренъ, что онъ дѣлаешь хорошо, и что лучше быть нигдѣ уже не можешь. Нежалостливые первоначальники и бесстыдные жрецы убѣдительнымъ образомъ увѣрили простодушный народъ, что кровожаждущіе ихъ Боги, обитатели превыспреннихъ мѣстъ, такъ сильно прогнѣвляющіяся, оскорбляющіяся и раздражающіяся дѣяніями невинными слабѣйшаго бытія, существующаго на пылинкѣ неизмѣримой вселенныя грамады, что ничемъ инымъ ихъ умилоспивить не можно, какъ принесеніемъ имъ въ жертву тѣхъ же самыхъ человѣковъ: съ того времени обычай сей пагубный или жертвоприношеніе человѣковъ воображаемымъ по

своимъ браннымъ понятиямъ и сложенымъ по своимъ плотскимъ чувствованіямъ Богамъ, сдѣлалось обычаемъ, священнымъ, непреложнымъ, дѣйствіемъ набожнымъ и богоугоднымъ. Нарсды имѣя, глаза тусклостию невѣжества и легковѣрности покрытые, не видятъ того, что жрецы именемъ Боговъ, влагаятъ имъ въ руку священный ножъ, обоюду остръ, повелѣвая имъ въ дѣйствіе производить злодѣянія въ ужасъ и трепетъ человѣчеству приводящія, прости въ сего ни кто однакожь возпашъ не дерзаетъ. Если бы Фивикіявинъ будучи разумнѣе и отважнѣе своихъ соотечественниковъ началъ представлять своимъ согражданамъ, что приносить въ жертву Богу Молоху невинныхъ младенцовъ, есть страшное злодѣяніе роду человѣческому, то безъ сомнѣнія былъ бы онъ не только наказанъ, какъ богохульникъ, какъ нечестивый злодѣй но и со всѣмъ бы истребленъ какъ презри-

тельный преступникъ, за то только, что дерзнулъ стать противу глупаго ужаснаго обычая и защищать священныйшія права природы и слабаго человѣчества. Закоренѣлый обычай есть совершенный и неумолимый пирани. Ощедубивство есть страшное преступленіе, котораго одна мысль приводитъ въ ужасъ всякаго мыслящаго человѣка. Но чего не дѣлаетъ обычай? Сіе самое преступленіе у спранствующихъ народовъ и по нынѣ во употребленіи. У нихъ дѣти убиваютъ безъ жалости, удавливаютъ или пошопляютъ своихъ престарѣлыхъ опцовъ, своихъ маперей какъ скоро придутъ они опъ старости въ какое изнеможеніе, что не въ силахъ слѣдовать за семьею своею въ перебѣгахъ съ мѣста на мѣсто. Такой спрашной самой природѣ обычай можетъ ли заставить усумниться въ святости союза связывающаго отца съ сыномъ. Человѣколюбивѣйшій, справедливѣйшій и разум-

нѣйшій предъ прочими сынъ не воз-
кликнулъ ли бы посреди глупой тол-
пы своихъ согражданъ? Чѣмъ это! о-
бычай заставляетъ меня поднять мою
руку на творца моихъ дней! долженъ
опустить жизнь у того, кто мнѣ ее
далъ? Я откажу пищу тому, кто
меня кормилъ своими руками, кто
меня сберегалъ съ потерянiемъ сво-
его покоя въ моемъ младенчествѣ? Да
изчезнешъ и да погибнешъ сей ужас-
ной обичай, коему чувствительное
мое сердце не можетъ покориться.
Всегда будетъ прiятнѣйшее чувство-
ванiе при возрѣнiи на того человѣка,
которой столько разъ утѣшался мо-
имъ младенчествомъ. Я опъ всего
моего сердца буду работать, неща-
дишь моихъ силъ и трудовъ для
того, кто столько получилъ тру-
довъ и безпокойствъ для меня. Лов-
ля звѣрей, птиць и рыбъ будетъ
всегда прiятнѣйшее упражненiе для
прокормленiя благодѣтельницаваща-

„го мнѣ бытія, которое столь не у-
„сыпное имѣло попеченіе омоемъ про-
„питаніи. Не щады моей жизни буду
„сражаться за оскорбленіе того, кто
„столько разъ жертвовалъ собою для
„доставленія мнѣ покоя, безопаснос-
„ти, сохраненія. Съ оптимизмомъ у-
„довольствіемъ носить буду на хреб-
„тѣ моемъ того почтеннѣйшаго ста-
„рика, который столько лѣтъ носилъ
„меня съ восхищеніемъ на своихъ ру-
„кахъ. Я буду веселить, буду утѣ-
„шать тѣхъ возлюбленнѣйшихъ серд-
„цу моему людей, которые съ такимъ
„раченіемъ, съ такою готовностію и
„охотою забавляли меня въ дѣтствѣ
„моемъ, утѣшались моими забавами, и
„дѣлили со мною все часы жизни сво-
„ей, когда я не чувствовалъ цѣнныхъ
„ко мнѣ ласковостей, ихъ объятій.
„Чѣмъ могу я за все мученія, за все
„попеченія заплатить нѣжному ощу-
„ моему, чадолюбивой моей матери, чѣмъ
„могу имъ доказать благодарнѣйшія

„мой чувствованія! жизнь моя посвя-
„щена будетъ на ихъ служеніе, на ихъ
„утишеніе. Поступая симъ образомъ,
„надѣялся могу, что и мои дѣти по-
„могашь мнѣ будунъ, сносишь бремя
„моихъ лѣтъ и прежде времени не
„опытунъ насильственнымъ образомъ
„у меня жизни, какъ у безполезнаго
„члена общества. Опрада, спокойствіе
„и утишеніе будунъ царствовать
„среди согласной и благословенной
„моей семьи. Можетъ быть о! любез-
„ные мои поварищи вы осуждаете сіи
„мои чувствованія, почиая ихъ сла-
„бостями; но помыслите сами о семь,
„испытайте свое сердце, не говоритъ
„ли оно и вамъ, что и вы всѣ тоже
„дѣлать обязаны самою природою.
„Воззрите на свои собственныя поль-
„зы, на свои выгоды, онѣ должны
„вамъ быть любезны. Вы уже сами
„ощи, или надѣетесь быть нѣкогда
„ими. Вы желаете жить долго и
„сладоственно дойти до глубокой еща-

„роспи. Изпробуеши навсѣгда вко-
 „ренившій злѣйшій обычай, коего ка-
 „ждой изъ васъ долженъ быть жер-
 „твою. Слѣдуйте побужденіямъ и
 „движеніямъ вашего сердца, почитай-
 „те священнѣйшую связь соединяю-
 „щую васъ съ вашими родителями,
 „храните свято ваши сыновнія обя-
 „занности, будете щастливы и спо-
 „койны, во все теченіе вашей жизни...
 Подобное здраваго разсудка исполнен-
 ное увѣщаніе конечно бы привело въ
 чувство окаменѣлыя сердца и прину-
 дило бы изпробовать обычай природу
 оскорбляющій. Ежели безшудство,
 вертопрашество, непостоянство, и
 тѣмъ подобныя пороки въ нѣкоторыхъ
 земляхъ во уваженіи, терпимы или
 щитаемы за расположенія маловажныя,
 то возможно ли по тому заключить,
 что позволяется всякому и вездѣ вда-
 ваться сего рода чрезвычайностямъ.
 Ежели у многихъ народовъ пьянство
 въ чести, то можно ли подумать, что

презвостъ естъ порокъ и самое зло. Ежели гдѣ по повелѣнію или по допущенію правительствъ, народы спонущъ подъ неснсною пятосію налоговъ и мучительныхъ подапей, то можно ли увѣрить, что правостъ, снисхожденіе, милосердіе, человѣколюбіе сунъ одни пустыя имена, или добродѣтели никакой силы и важности не имѣющія. Отвергнемъ всякое сему вѣроятіе. Каковы бы оныя ни были обряды, законы, уставы, обычаи у разныхъ народовъ, землю населяющихъ, разумной и здравомыслящій человѣкъ, храня тишину и спокойствіе, сочтетъ уваженіа достойнымъ всегда только то, что согласно съ истинными выгодами и пользами бытій нашего рода. Онъ почитать будетъ злѣйшимъ преступленіемъ все то, что можешь вредить ихъ благоденствію и возмущать общественное и частное спокойствіе, а презрительными пороками всѣ тѣ качества, всѣ тѣ расположенія, кои

стремилъся будетъ разорвать или ослабить связь соединяющую челоѣловъ въ общежитіи.

Сдѣлавши сіе положеніе взглянемъ, проникательнымъ и безпристрастнымъ глазомъ на пороки, недостатки, на слабости челоѣческія. Мы увидимъ, что сильныя прельщенія различнымъ образомъ стремятся отвлекать челоѣка отъ общежитія, дѣлають его недостойнымъ челоѣкомъ въ томъ кругѣ, гдѣ онъ находится, и наконецъ по необходимости слѣдствій изъ того выходящихъ, окончивается собственнымъ его несчастіемъ.

Если справедливость, какъ все намъ доказываетъ, есть истинное основаніе общежитія, то несправедливость есть отъ него разрушеніе. Мы всякой разъ дѣлаемся несправедливыми, когда мы наносимъ вредъ бытію съ нами сожительствующимъ, или въ ихъ лицѣ, или въ ихъ имѣніи, или въ ихъ чести и добромъ имени. Мы весьма неспра-

ведливы тогда, когда отказываемъ ближнему наше вспомошествованіе, чувствованіе, состраданіе, вниманіе, услуги, къ чему общественное наше житіе насъ обязываетъ, и чего мы сами требуемъ отъ другихъ съ неперпѣливостію. Всякій несправедливый человѣкъ есть ядъ въ обществѣ, есть такой вредной членъ, который опредѣляетъ свои пользы, свои выгоды отъ пользы и выгодъ всего общества; несправедливостъ есть истинный источникъ безчеловѣчныхъ и варварскихъ дѣяній, приписаній, насильствъ и всѣхъ слѣдствій. Гдѣ несправедливостъ водворится, тамъ нѣтъ ничего, кромѣ степеній, горести, слезъ и самаго опъчаянія: *нечувствительность* есть пагубное расположеніе, ожесточающее и содѣлывающее сердце наше невнимающимъ вопля несчастныхъ. Нечувствительный человѣкъ, какъ и прежде сказано, есть бытіе опаснѣйшее, самое жестокое, самое неспособное къ сожи-

нїю въ обществѣ. Общежитіе требуетъ чувствительности, мягкосердія, любви, жалости, состраданія, снисхожденія, благодѣленія, представительства, утѣшенія: но какъ ожидать всѣхъ сихъ благорасположеній и чувствованій отъ бытія такого, котораго сердце никогда не воспламенялось священнымъ огнемъ любви къ ближнему, ни дружбы. Стоическое отъ всего отвращеніе, убоженіе свѣта, единожитіе, духъ гоненія и неперенїеніе, усмиреніе отъ всѣхъ человѣковъ и самыхъ кровныхъ суть истинные пороки въ глазахъ здраваго разсудка, для того что они разрываютъ связь общежитія. Военная безразсудная ревность, звѣрская храбрость, безумное стремленіе на пролитіе крови невинныхъ человѣковъ, суть добродѣтели свойственныя пѣмъ только рапоборцамъ, у коихъ въ сердцахъ ни малѣйшей искры нѣтъ ни милосердія, ни жалости, ни человѣколюбія. Не милосердый человѣкъ не

можетъ быть справедливъ. Человѣколюбіе не что иное есть какъ справедливоспъ оживленная чувствительнымъ и сострадательнымъ воображеніемъ и силою его въ самую дѣятельность приведенная.

Испытатели природы благоразумною рукою раздробили на части весь человѣческій составъ. Они намъ доказываютъ неоспоримымъ образомъ, что отъ любопытнаго глаза и самаго понятія уходящее различное смѣшеніе соковъ, жидкостей, крови, ихъ состояніе, сила, стремленіе, психоспъ; положеніе, упругоспъ, сплетеніе, мягкоспъ жилъ, сосудовъ, перепонокъ, мышцъ и прочихъ безчисленнымъ частицъ почти невидимыхъ, составляетъ все устройство человѣка, его нравъ, его склонности, его темпераментъ. Мѣсто и состояніе его рожденія, народныхъ законоположенія, обычаи, просвѣщеніе или глупоспъ родителей, образъ воспитанія, поселенія перьвыхъ о всемъ

понятій; родъ жизни частнаго общества, примѣры подражанія образуютъ и содѣлываютъ человѣка умнымъ или глупымъ, честнымъ или безчестнымъ, добродѣтельнымъ или порочнымъ, пріятнымъ, любезнымъ, или несноснымъ и презрительнымъ. И таковымъ по всѣмъ сказаннымъ причинамъ и обсто-
ятельствамъ человѣкъ сложился, образуется, утвердился, таковъ имѣетъ свой жребій, таковымъ оспается на все время своего существованія. Родятся и между грубыми, глупыми и слабыми народами оптимѣнные умы, неподобные Типы, Марки Аврелій, Невтоны, Лейбницы, Эйлеры, но сіе бывало и бываетъ весьма рѣдко, или лучше сказать, подобное произведеніе природы къ удивленію свѣта совершается цѣлыми вѣками.

Человѣкъ по своему устроенію имѣетъ больше или меньше спремительныя желанія, страсти, пороки, слабости. Гнѣвъ произведенный скоропо-

спижнымъ возкипѣніемъ крови вспылѣчиваго сложенія, долженъ быть щипаемъ такимъ расположеніемъ, коего дѣйствія и слѣдствія весьма опасны • бѣдственны для насъ самихъ и для другихъ. Человѣкъ не умѣющій воздерживать себя, способенъ сдѣлать въ пылкомъ стремленіи гнѣва величайшее преступленіе, злодѣяніе. Сердитый со злостію человѣкъ, сдѣлавшись у окружающихъ его предметомъ страха и ужаса, не можетъ быть спокоенъ самъ въ себѣ. Гнѣвъ въ суевѣрномъ и безрасудно набожномъ человѣкѣ, освященный именемъ равноспи къ Богу, есть страсть зловреднѣйшая и пагубнѣйшая для рода человѣческаго. Когда въ общежитіи терпѣніе, тихость нрава, снисхожденіе и миролюбіе суть любезнѣйшія и нужнѣйшія добродѣтели, то напротивъ того нравъ сварливый, злость, ненавидѣніе, лукавое припворство суть вреднѣйшіе и пагубнѣйшіе пороки для насъ самихъ и

для членовъ кругъ нашъ составляющихъ. Злоковарный человекъ есть бытіе ядъ въ себѣ кроющее и имъ ближняго смертельно уязвляющее. Злой человекъ въ гнѣвъ своемъ не узнаетъ ни милосердія, ни человеколюбія; онъ горя яростнымъ мщеніемъ, проливаетъ кровь ближняго, лишаетъ его жизни безъ малѣйшаго жалости, какъ разъяренный звѣрь беззащитную овечку. Сколь много видимъ подобныхъ звѣрей, видъ человека на себѣ имѣющихъ!.

Мщеніе есть дѣйствіе гнѣва умышленнаго и самыя злобы долго гнѣздящихся въ сердцѣ злаго человека. Нѣтъ ничего опаснѣе и гибельнѣе въ обществѣ (для утвержденія и поддержанія котораго снисхожденіе и прощеніе столь необходимы) какъ человекъ незнающій прощать ближнему. Неприимчивый человекъ есть подобіе мстительныхъ за самонамалѣйшія слабости боговъ, коими на пагубу людей

мерзское сусвѣріе населило Олимпъ. Онъ неспособенъ и недоспеишь быть членомъ благонравнаго общества. Онъ есть смертоносное зло для всѣхъ и каждаго особо. Когда подлая кичливость, звѣрская злость, кровожаждающее сердце возбуждаютъ человѣка къ опмищенію, то благородная и на здоровомъ разсудкѣ основанная горделивость поспавляетъ насъ выше всѣхъ обидъ и заспавляетъ насъ предавать ихъ великодушно совершенному забвенію, великость духа и сердца доказывающему. Если мщеніе есть утѣшеніе не жалоспливыхъ и жестокосердыхъ боговъ, то прощеніе нанесенныхъ намъ оскорбленій, есть опрада чувствительныхъ, великихъ и добродѣтельныхъ сердець человѣческихъ.

Ненависть есть чувствованіе самое мучительное и гибельное; и пошому не можетъ оно быть въ сердцѣ великодушнаго и добраго человѣка, для котораго нѣтъ величественнѣе ничего,

какъ своими благодареніями заспавлять краснѣть того, кто ему зло, или обиду шворить. Таковое дѣяніе показываетъ превосходство, благородную твердосѣ и великосѣ духа, кои самъ шворитель зла прошивъ воли, своей признаваетъ, чувствуемъ ихъ безцѣнность, и спыдаясь своей низкосѣ, шайно ихъ почитаетъ. Таково есѣ великихъ душъ мѣненіе, коихъ прямо благородное сердце улаждаетъ и само себѣ должную по право хвалу шворить. Воздавать добромъ за зло, есѣ надежнѣйшій способъ обезоружить своего непріятеля, есѣ лучшее средство показать свое превосходство предъ нимъ и уличить его въ гнусной низкосѣ. Великъ шопъ, кто обиду прощать готовъ, но болѣе еще шопъ, кто добромъ жало зла прищипываетъ.

Человѣкъ основывающій дѣянія свои на благоразуміи и честности, идущій путемъ добродѣтели, старающійся познавать истинную цѣну вещей, не

прилѣпляющійся къ блескамъ въ мигъ исчезающимъ, и призраками сперва у-слажденія обѣщающими, но вмѣсто того горечью и мучительнымъ ядомъ сердце напаяющими, щипаетъ что всякое возвышеніе, всякая знаменитость, всякое величіе суть преимущества ничего не значущіе, какъ скоро онѣ не служатъ способами къ шворенію счастья и благоденствія ближнему и обществу. Онѣ только тогда уваженія достойны, когда ими опличаемъ мужъ заслугами къ отечеству и ревностію почтеніе и признательность опъ общества по всѣмъ правамъ пріобрѣтшій; мужъ добродѣтельнымъ своимъ житіемъ и чистотою нравовъ ошупительный примѣръ въ обществѣ подающій, мужъ жизнь свою благосостоянію общественному жертвующій. Въ такомъ полезнѣйшемъ чловѣкѣ всякое сдѣланное ему по достоянію опличіе, есть почтительно, есть отдаваемая каждымъ честнымъ сердцемъ справед-

ливость, ни въ комъ кроиѣ злаго, слабого и порочнаго человѣка завидливости не причиняющая. Подобный ревностный и добродѣтельный сынъ опечесства ничемъ достойно награжденъ быть неможеть; заслуги его безцѣнны, такъ какъ онъ и самъ есть бышій всѣмъ любезное и искреннее почипаніе заслуживающее. Но по же самое опличіе всѣхъ родовъ, въ человѣкѣ порочномъ, слабомъ или лучше сказать, нискомъ духомъ и сердцемъ, не достоинствами, но прихотью случая или разными происками получившемъ, есть мало, никакого уваженія нестоющее, и точно тоже дѣйствіе въ сердцѣ нашемъ производящее, какъ злопокованная одежды и драгоценные камни безтолвной испуканъ украшающіе. Подобный человѣкъ есть бышій жалкое, бесполезное, а часто и вредное, потому что онъ не имѣя правилъ благонравія и честности, а не рѣдко и должнаго воспитанія, спарается какъ

дому дать чувствовать, образом иногда нестерпимымъ, что онъ все по-лучать посправедливости, заслугамъ достоинствамъ. Онъ бываетъ жесто-косердъ, нечувствителенъ, нежалост-ливъ и гордъ. Но кто ему не изъяс-нишь, что всѣ сіи пороки содѣлыва-ють его несноснѣйшимъ членомъ въ общежитіи, что онъ ими вмѣсто то-го чтобы привлечь къ себѣ сердца, ихъ огорчаетъ, отъ себя удаляетъ и са-мое въ себѣ презрѣніе производитъ. Сему бѣдному щастливцу знать дол-жно, что гордость есть порокъ со-вершенный и препротивный. Гордость есть дѣйствіе неограниченной любви къ самому только себѣ, мнѣнія при-спраснаго и ложнаго о своихъ дос-тоинствахъ препровождаемаго почти всегда неуваженіемъ и самымъ презрѣ-ніемъ къ другимъ, а шѣмъ самымъ дѣ-лается и самъ гордецъ досаднымъ, несноснымъ, презрительнымъ, смѣш-нымъ въ глазахъ и шѣхъ людей отъ

коихъ и его щастіе и добрая слава зависить. Гордый челоѣкъ исполнець будучи почтеніемъ и уваженіемъ къ самому себѣ , своею высокоомѣрностію , надмѣнностію , пренебреженіемъ отвращаетъ отъ себя сердце всехъ съ нимъ сожительствующихъ. Почтеніе есть дѣйствіе любленія , а челоѣки не могутъ любить , слѣдственно и почитать того , кто ихъ уничижаетъ , кто ихъ за пыль и прахъ недостойный его вниманія щипаетъ. Откуда явствуетъ , что гордецъ не достигаетъ своей прѣдложенной цѣли , а на прошивъ подвергаетъ себя общему ненавидѣнію. Тщеславіе , высокоомѣріе , надменность , ниучливістьъ превозношеніе , пышнолюбіе и прочая. Суть таже гордость въ различныхъ видахъ дѣйствующая. Но всѣ сіи виды такъ какъ и слѣдствія ихъ нахальство , невѣжливостъ , дерзкостъ , грубіанство , непочтеніе , безстыство пренебреженіе всѣми , намѣстничество колкое ,

и проч: вмѣсто желаемого отличія , доставляютъ гордому совершенное опъ всѣхъ презрѣніе и ненависть. Человѣкъ не иначе имѣя можешь право на любленіе и на почтеніе опъ другихъ, какъ оказываемъ благосклонныхъ къ нимъ расположеній, и самыхъ благодѣяній. Гордый являя къ сочленамъ своимъ презрѣніе, огорчаетъ ихъ, протаетъ чувствительно ихъ самолюбіе , производя въ нихъ къ себѣ отвращеніе и окончиваетъ тѣмъ, что каждой здравомыслящей человѣкъ убѣгаетъ его сообществу , презираетъ его и имъ гнушается. Хвалы достойная горделивость или благородное ревнованіе должна быть основана на непрерывномъ желаніи быть полезнымъ человѣческому роду и на усердномъ стараніи дѣломъ самымъ показывать въ своемъ кругѣ благошворные свои расположенія. Гордость есть не только мерзкое разположеніе , но и вредное , по тому , что гордый спремаясь за

всѣмъ тѣмъ, что только можетъ увеличить способы удовлетворить его надменность и тщеславіе, не пощадишь погубить ближняго своего, хотя мало ему въ его намѣреніяхъ препятствующаго. Онъ при равныхъ и низшихъ себя надмень, но передъ чиновнѣйшими особами, отъ коихъ онъ ожидаетъ чего-либо, и при случаяхъ обольщающихъ его надеждою насытитъ свое пышнолюбіе обыкновенно бываетъ подль, низокъ, ползущъ, трусливъ, бездушенъ и совершенно мерзкой рабъ недостойный имени разумнаго бытія. Сколько видимъ несчастныхъ въ жертву неограниченной гордости принесенныхъ, сколько бѣдъ причиняетъ гордый безпомощнымъ, всякой чувствительный и добродѣтельный гражданинъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ видитъ но пособить и отвратить того не можетъ.

Если храбрость, твердость духа основанная на справедливости, защи-

щающая наши права, доставляющая намъ спокойствіе и безопасность, соединяющая добраго человѣка тѣснѣйшимъ образомъ къ его обязанностямъ есмь въ добродѣтели, но напрошивъ того слабость духа, прусость, непостоянство, вѣроломство, подлость, должны помѣщены быть въ число презрительныхъ пороковъ чувствительное зло подобнымъ намъ причиняющихъ. Не позволяется человѣку быть нечувствительну и равнодушну къ тѣмъ несчастіямъ, въ коихъ общество или ближніи страдаютъ. Кто не гнушается, неправдою и злодѣяніемъ, тотъ есмь самой худой, ненадежной, вредной и опасной согражданинъ. Кто допускаетъ въ дѣйствіе произвести какое-либо злое намѣреніе, будучи въ силахъ оное отвратить или помѣшать, тотъ дѣлается соучастникомъ въ томъ самомъ злодѣяніи. Кто не защищаетъ невинность и справедливость своихъ сообщественниковъ отъ всякаго непра-

веднаго притѣсненія и насильствія , или для своей собственной и личной пользы способствуетъ всему тому , что можетъ ближнему несчастіе причинить , потому есть общественный врагъ недостойны быть членомъ въ честномъ кругѣ. Кто прельщаетъ незнающую обмановъ невинность , соблазняетъ и несчастною дѣлаетъ бесъопытную и добродѣтельную молодость , и такимъ самымъ бросаетъ въ семьѣ сѣмена холодности , отвращенія , ненависти , презрѣнія и всѣхъ раздоровъ оканчивающихся всегда и непремѣнно несчастіемъ и самимъ бѣдствіемъ , потому есть истинный злодѣй разрушающій семейное спокойствіе и причиняющій горестное состояніе несчастной жертвы предавшейся его обольщеніямъ. Сколько видимъ жалости и слезъ достойныхъ примѣровъ , что обольстившій невинную молодость увѣрившій въ вѣчной и искренней своей привязанности , получа злодѣйскую побѣду надъ сла-

бымъ и легковѣрнымъ бытіемъ, оставляешь ее на произволъ ея судьбы, ввергаешь ее въ горестное состояніе, въ которомъ она спонетъ, спраждетъ и терпимъ все то, что поношеніе, безчестное имя, презрѣніе, стыдъ, поздное раскаяніе злѣйшаго въ себѣ ни имѣетъ. Подобный мерзкій и безчеловѣчный поступокъ достоинъ почитаемъ быть всегда и вездѣ самымъ преступленіемъ, и противъ нѣжнаго пола все свое защищеніе, все свое успокоеніе въ однихъ спесаніяхъ, слезахъ и бесполезныхъ жалобахъ находящаго, и противъ благосостоянія и спокойствія общественнаго. У дикихъ народовъ, неимѣющихъ никакихъ законоположеній, ниже понятія о просвѣщеніи, подобное преступленіе наказывалось и поднесъ ужаснѣйшимъ образомъ. Но мы, яко просвѣщенные свѣтомъ ученія, свѣтознанія, учтивости, снисхожденія, оставляемъ то безъ всякаго вниманія.

Лѣность есть нѣрадѣіе; упущеніе; пренебреженіе обязанностей соединяющихъ насъ съ окружающими людьми. Она имѣетъ виновнѣе, что отвлекаетъ насъ отъ священнѣйшихъ должностей истиннаго честнаго гражданина. Лѣность есть источникъ, многихъ общественныхъ и частныхъ бѣдствій. Лѣнивый король есть совершенная погибель для его подданныхъ; коихъ судьба по зловредному его небреженію предается на произволъ корыстолюбивыхъ и недостойныхъ его любимцевъ. Въ лѣности и нѣгѣ упоащій первоначальникъ, вождь вождей, какихъ бѣдствіе не слѣдствіи не бываетъ причиною! онъ подыплетъ своего пространныя шипула, удрученный кучею знаковъ опличности, знаменитости и могуществомъ упоенный, засыпая нечувствительнымъ образомъ отворяетъ источники производящіе рѣки золь и бѣдъ для всего общества особливо же для части лю-

дей, надъ кою онъ господственно вла-
ствуетъ и который все благоустрое-
ніе, все блаженство, все спокойствіе
отъ его дѣятельности, отъ его под-
вижности, отъ его попеченія и благо-
разумія записишь. Лѣнивый, безпеч-
ный, равнодушнымъ и нежалостливымъ
гласомъ на самую гибель ему въ верен-
ныхъ подобныхъ ему челоуѣковъ взи-
рающій начальникъ есть пагубоносное
зло, ежели не наспоющими, по опада-
леннымъ слѣдствіями подвластныхъ
ему и всѣхъ сильно поражающее. Лѣ-
нивый отецъ причиняетъ въ семьѣ сво-
ей взирающей на него, какъ на своего
власпишеля страшныя бѣдствія и бы-
ваетъ виновникомъ поношенія и не-
щасіи для всего своего потомства
подражающаго его пагубному примѣру.
Лѣность хозяина или хозяйки разру-
шаетъ благосостояніе въ домѣ, напол-
няетъ его развратностями, безпоряд-
комъ, неустройнымъ теченіемъ всѣхъ
дѣлъ и наконецъ бываетъ почною при-

чиною и самой бѣдности; отъ лѣности рождаются праздность, а сія вреднѣйшая слабость есть истинная мать всѣхъ пороковъ, и самыхъ преступленій, которыя свойственною имъ силою ввергающъ человѣка въ самую погибель и страшныя бѣдствія; увальчивость, безпечность, ненавидѣніе трудолюбія можно помѣстить въ число пресупленій по мѣрѣ несчастій отъ нихъ производящихъ. Праздность есть совершенный источникъ развращенія нравовъ. Мотовство, не воздержность во всемъ раззорительныя игры псовая охота и проч. суть тѣ способы, которыми праздною и ничемъ не занимающеюся челоѣкъ старается прогнать угнѣтающую его скуку; которая мучитъ его всемѣстно; нѣкоторые неученые учителя, по одному закоснѣлому суевѣрію, полагали праздность, уединеніе, удаленіе отъ всѣхъ полезныхъ для общества упражненій, обязанностей, должностей, въ число со-

вершенствъ но сіе мрачное ученіе не-
терпящее пріятнѣйшаго роду чело-
вѣческому и полезнаго общежитія, до-
вольно доказываетъ само собою и вред-
ными своими слѣдствіями, что оно
противно здравому разуму и самой
правотѣ, которыя предписываютъ
доброму гражданину, истинному сыну
общества не удаляться отъ всѣхъ
дѣлъ и жить только для одного себя,
но опправлять со всѣмъ усердіемъ и
ревностію возложенное верховною вла-
стію служеніе, трудиться быть по-
лезнымъ подобнымъ ему, заниматься
всегда успроеніемъ ихъ благосостоя-
нія и всѣми силами спараться дѣлать
ближнему всякое добро, всякое по силѣ
своей вспомошествованіе. Справедли-
восць позволяетъ человѣку тогда толь-
ко сложить съ себя общественныя
нѣкоторыя должности и уединиться,
когда онъ почувствуетъ, что нахо-
дитъ себя въ совершенной невозмож-
ности быть полезнымъ своимъ сограж-

данами ни своими трудами, ни своимъ служеніемъ, ниже своими совѣтами, что разнообразныя злоухищренія усилившия подавляютъ всякое усердіе, всякое рвеніе, кажутъ свои только украшенныя скороизчезающимъ блескомъ дѣянія въ великой цѣнѣ и достойномъ уваженіи. Въ такомъ случаѣ и доброй гражданинъ видя совершенное свое безсиліе противостать хитросплетямъ и обманамъ, обнаженіемъ ихъ существенности отвратишь ихъ зловредность и самую гибель, удаляясь, молчишь, воздыхаешь и спасаніе свое на то уже только устремляешь, чтобъ въ маломъ своемъ кругу исполнять свято священные обязанности честнаго и добраго чловека, и въ томъ находишь свое цѣлительное утѣшеніе.

Своевоольство, буйство, развращенность, безстыдство суть дѣйствія спремительнаго и горячего сложенія, сдѣланныхъ къ послѣдованію прихо-

пямъ привычекъ , здоровому разсудку непокоряющихся , и слѣдствія вредоносныя праздноспи. Человѣки будучи ничемъ дѣльнымъ не заняты, и пошому мучимы всегда скукою , спараются ея избѣжати живѣйшимъ услажденіемъ чувспвованій , копоры опъ частыхъ повтореніи дѣлаются для нихъ необходимыми нуждами. Когда же опъ непрерывнаго услажденія силы истощеваются, то предавшійся необузданнымъ спраспямъ человѣкъ , спарается слабымъ своимъ воображеніемъ изобрести себѣ новыя утѣшенія и весьма часто, сколько вредныя, спранныя сполько и презрительныя. Любострастіе, совершенное себя преданіе необузданной спраспи любовной, и всегдашнее ея просвѣщеніе, сушь дѣйствительные пороки и сущія прошивъ природы преступленія, какъ сами по себѣ и своими гибельными слѣдспвіями, шакъ и по вліянію своему въ благосостояніе человѣка особенно, семейспвъ и цѣлыхъ

обществъ. Закопѣлой въ беспыдномъ послѣдованіи стремленію развратныхъ страстей ни къ чему не можетъ быть полезенъ. Онъ ни о чемъ не думаетъ, ни о чемъ, праздноспи предавшись, не старается, какъ о насыщеніи себя, вредъ горестной, а не рѣдко и самую смерть въ цвѣтѣ лѣтъ наносящимъ услажденіемъ. Для пріобыкшей дѣвки необузданностію и развратнымъ житіемъ оскорблять, терзать поганявъ въ себя стыдливостъ, нѣтъ болѣе ни благоприспособности, ни стыда, ни воздержности; она дѣлается ненавистною злодѣйкою всѣхъ обязанностей въ честномъ обществѣ хранимыхъ.

Жена разорвавшая священный союзъ супружества и занимающаяся только одними изощренными безсовѣстностію обманами и тончайшими любовными хитросостями, не способна хранить свято свои обязанности, чего оиъ нея долгъ супруги, долгъ матери, долгъ доброй хозяйки пребудетъ. Она все

по презираетъ занимаясь всеминутно
скрыть свои поступки, и удовлетвори-
вить и своимъ безсмыслнымъ спре-
мленіемъ и прихотямъ безчестнымъ
своихъ любовниковъ, которые суть
истинныя ея злодѣи и нежалостливые
изпробителі семейнаго спокойствія,
щастія и ея чести и славы. Ни раз-
стройство въ домѣ, ни бѣдное состоя-
ніе въ небреженіи оставляемыхъ дѣшей,
ни самое поношеніе слѣдствія непре-
мѣннаго развратнаго житія! — ни что
не можешь привести ее въ стыдъ, и
совѣсть, ни что не можешь ее воз-
держать; всемъ пренебрегаешь, все за-
бываешь въ чаду своемъ совершенно.

Съ которой стороны ни станемъ
разсматривать безприспартнымъ о-
комъ развратную жизнь, вездѣ най-
демъ въ ней самое убѣдительное дока-
зательство, что она заимѣваетъ ра-
зумъ, обезображиваетъ человѣка, раз-
слабляетъ всѣ качества, силы духа
и плѣа, и часто ввергаетъ своихъ по-

слѣдователей въ бездну преступленія, несчастій и самый гробъ. Если природа приглашаетъ или возбуждаетъ человека къ возхищающимъ духъ и сердце услажденіямъ любви, то таже самая природа ведома разумомъ, строго предписываетъ употреблять сѣ нужныя и полезныя естественности нашей забавы съ осторожностію, умѣренностію, съ береженіемъ своихъ силъ и здоровья, чтобъ сѣ употребленіе не произвело собою въ обществѣ ни соблазна, ни презрѣнія, ни ненависти. Сколько такихъ семействъ, кои лишившись своего благосостоянія отъ любовной развратной страсти, отъ взаимной невѣрности, отъ небреженія и презрѣнія супружескихъ священныхъ обязательствъ, спонутъ въ несчастномъ своемъ положеніи, чувствуютъ всѣ пораженія презрѣнія и поношенія, всѣ терзанія раскаянія, но раскаянія уже поздаго и самого мучительнаго. Не дѣлай того, чтобъ могло родиться ра-

скаяніе, будетъ спокоенъ, не будетъ чувствовать его мученій.

Неблагодарность, непризнательность есть расположеніе мерзкое, ненавистное, злодѣйское. Она начало свое имѣетъ въ гордости или въ непрости-тельной нечувствительности. Неблагодарные обыкновенно полагаютъ для себя склонность къ благошворенію, щедрости, человеколюбію, качества споль полезныя и нужныя въ общежитіи. Мало такихъ людей найдется, кои бы при всей своей склонности дѣлали добро ближнему, имѣли довольно силъ одолжать непризнательнаго, благодарствовать неблагодарному. Можетъ ли быть что нибудь отвратительнѣе и несноснѣе, какъ видѣть человека отвергающаго всякую признательность за благодѣянія; человека или лучше сказать чудовище, которое по безчеловѣчному своему расположенію угрызаетъ ядовитыми зубами руку, ему вспомоше-

спованіе , добро и щастіе дающую. Есть въ свѣтѣ довольно такихъ изверговъ , копорые за самое благошвореніе , за самое спасеніе , злодѣяніемъ вознаграждаютъ. Чувствовать благодѣяніе во всей его цѣнѣ , есть дѣйствіе благорасположеннаго и нѣжнаго сердца. Неблагодарность , есть дѣйствіе окаменѣлости , видъ звѣрской злости на себѣ носящей. Неблагодарный опасенъ , зловреденъ , презрѣнія достоинъ. Хотя и должно дѣлать добро ближнему , не требуя отъ него благодарности , но самое естественное чувство человѣка болѣе прилѣпляется къ тому , кто намъ оказываетъ признашельныя свои расположенія; отвергается же отъ того , кто съ холодностію , нечувствительностію , равнодушіемъ или съ гордоснію пріемлетъ нашу усердную помощь , наши услуги , наши благодѣянія. Щастливъ тотъ , кто можетъ и хочетъ дѣлать добро , не помышляя о благодарности.

Зависть, бѣдспвенный источникъ
поликихъ несчастій, есть весьма общее
расположеніе. Видя всечасно ея дѣй-
ствія и въ самыхъ малолѣтнихъ, по-
думать можно, что человѣки рождаются
завистливыми. Если что нибудь про-
тивнѣ духу общежитія, какъ спрада-
ніе челоѣка взирающаго на благоден-
ствіе ему подобныхъ; и самое щастіе
достойнствами, трудами, опмѣнными
заслугами приобрѣтаемое, производить
въ завидливомъ ужасное мученіе. Онъ
уподобляется коршуну самаго себя
распирывающему; изъ ранъ его груди
исходятъ, злословіе, ругательства,
поношенія, раздоры, ненависть. Но
также самая завидливость, когда воз-
держивается и управляется справед-
ливостію и просвѣщеннымъ разумомъ,
преображается въ полезное для обще-
ства поревнованіе и безвредное зави-
дованіе, производящее сильнѣйшую
дѣятельность, тщаніе, желаніе дос-
тойнства свои привести въ такое у-

совершенство, чтобы превзойти самих своих сожителей; благоразумными учреждениями правление легко может и самую зависть преобразить в полезное расположение. Опличия награждения, почести, по всей справедливости даваемые, суть не средства, коими произвести в гражданах можно полезныя для общества и изящныя побужденія и склонности. Ничто так неоглашаетъ въ человѣкѣ самыхъ лучшихъ качествъ и дорованій какъ небреженіе, невниманіе и самое холодное равнодушіе начальствующихъ и знаменитыхъ особъ, отъ коихъ и доброе имя, и честь и похвала опличающихся зависить. Не награжденный человѣкъ за его труды, за его службы, за его ревностныя подвиги теряетъ всю бодрость духа, сердце его оскорбляется, спонетъ, вкушаетъ горчайшіе плоды нестерпимой горести и терзанія самолюбія, что всего мучительнѣе.

Сколько пріятна и полезна въ общежитіи справедливосць, сколько пропивна и вредоносна ложь. Искренность, откровенность, правота пріобрѣтають довѣренность и любленіе отъ человѣковъ; на противъ того лукавство, злоухищреніе, обманъ, лицемерство, припворство, ласкательство, (спорники и собесѣдники царедворцевъ) возбуждають въ нихъ недовѣрчивость, подозрѣніе, отвращеніе, и заставляютъ ихъ быть во всечасной осторожности. Злословіе, поношеніе, бездушіе, измѣна, вѣроломство суть гнусныя и нестерпимыя преступленія во всякомъ благоустроенномъ обществѣ. Лжець всегда прусливъ. Злой и лукавый всегда спрашивается, чѣмъ бы личина съ него не спала. Одинъ добрый человѣкъ ничего не спрашивается, показываетъ себя въ томъ почто видѣ, копорый онъ сходствененъ со внутреннимъ расположеніемъ его сердца и духа на себѣ носить. Онъ ходя пу-

пемь добродѣтели и будучи твердо самъ въ себѣ увѣренъ, (преимущество одною добродѣтелію вселяемое) за мерзкую низкость щипается обманывать ближняго, и хитростями, разными уловками, оборотами доходить до цѣли своего желанія. Порокъ всегда въ смятеніи и спрахѣ пребываетъ, и для того всегда желаетъ быть покрытъ не проникающей завѣсою. Сколько заботъ, сколько труда лукавые, злоухищренныя употребляютъ, чтобы не быть видимыми таковыми, каковыми въ самомъ дѣлѣ себя чувствуютъ, стыдясь и совѣсти угрызениями мучиться.

Ложь есть зло, когда она вредъ наноситъ ближнему, или превзойдетъ благосостояніе членовъ общества; позволяется солгать только тогда, когда обстоятельства требуютъ защитить семью отечество отъ неминуемыхъ бѣдъ, спасти отца, друга, ближняго, самаго себя отъ престоющей ги-

бели, опъ вредоносныхъ дѣяній непри-
ятелей, или смертію угрожающихъ
злodeвъ. Въ сихъ случаяхъ ложь дѣ-
лается законною, похвальною. Сама
истинна при всемъ томъ, что она о-
чень полезна роду человеческому, мо-
жетъ иногда быть вредною и погуб-
ною чelовѣкамъ. Та правда, которая
причинитъ можетъ несчастіе или зло
нашимъ сообщежителямъ, всегда долж-
на быть утаена. На примѣръ: видѣлъ
бы я, гдѣ чelовѣкъ убѣгающій явной
своей смертію, скрылся, и на вопросы
его злодѣямъ спремѣющимся за нимъ
сказалъ бы правду и открылъ мѣсто
спасающагося, въ такомъ случаѣ прав-
дою своею содѣлался бы я совершен-
нымъ убійцею, несчастнаго своего ближ-
няго, и истинна моя была бы злѣй-
шимъ преступленіемъ. Злословіе час-
то покрывающееся любленіемъ прав-
ды, есть истинное и совершенное зло.
Нескромность и злословіе часто бы-
ваютъ въ равной силѣ съважнымъ пре-

ступленіемъ ; часто бываютъ причиною несчастій и самой гибели для ближняго. Злословіе показывается всегда или завидливый, злый, мстительный нравъ, или глупость и вътренность.

Если благоразуміе есть основательная на самой опытности добродѣтель, показывающая намъ слѣдствія нашихъ дѣяній, относящіяся къ намъ самимъ , или къ другимъ ; то должны мы поспавлять въ число недоспашковъ, слабостей, пороковъ , а иногда и самыхъ преступленій *неблагоразуміе, нерассмотрительность, олошность, неосторожность, вътренность, несохраненіе почтоспи* , кои показываютъ забвеніе и часто зловредное пренебреженіе и непростительное презрѣніе къ тѣмъ предметамъ , которые должны быть у насъ во всякомъ уваженіи и незабвенности. Что нерассмотрительность и неодуманность часто бываетъ главною причиною нашихъ несчастій , о

твомъ каждый увѣрился долженъ собственными опытами. Человѣкъ прямо общежительный долженъ разсмапривать самъ себя, размышлять о своихъ начинаніяхъ, о своихъ поведеніяхъ, соображать свои движенія, свои чувствованія, съ движеніями и чувствованіями окружающихъ его подобныхъ ему человѣковъ, коихъ одобреніе и угодность весьма за важное шипать должно. Всякое благоразумное общество основывается на взаимномъ желаніи дѣлать другъ другу угодное и убѣгать того, что можетъ произвести неудовольствіе, негодованіе, досаду членамъ круга его соспавляющимъ. Взаимное о семъ каждого и всѣхъ стараніе воспавляетъ согласіе и пріятную связь между всѣми. Весьма бы мало нашлось людей шворящихъ зло, если бы они точно знали свои обязанности, и имѣли бы ясное помятіе: какое опвращеніе, какую ненависть они себѣ злодѣяніями своими приобрѣтають,

сколько оскорбляютъ тѣмъ сердца всѣхъ и возспавляютъ ихъ прошивъ самихъ себя. Имѣтъ надобно странно расположенное и окаменѣлое сердце, чѣмъ не чувствоватъ ядовитости презрѣнія, столь жестоко шедшаго наше нѣжное самолюбіе.

Невѣжество, непросвѣщеніе есть источникъ всякаго зла. Неразуміе, вѣтренность, прилѣпленіе къ сущимъ пустотамъ, одніи прихоти услаждающимъ, суть вредныя расположенія. Неизпытаніе и безразсудокъ гораздо чаще бывають причиною угнѣпающихъ имъ несчастій, нежели какая умышленная злость. Человѣки больше вѣтренны, нежели развратны, больше безрасудны и глупы, нежели злы и лукавы. Нерадѣніе ихъ о своихъ должностяхъ, нерадѣніе о просвѣщеніи, пренебреженіе воспитанія, недостатковъ наставленій содѣлываютъ ихъ порочными, безпкойными и вредными въ обществѣ. И для того, должно научать ихъ раз-

мышленію, показывають имъ предметы
вниманія и занятія ихъ достойныя, да-
вають имъ чувствовать слѣдствія отъ
ихъ дурачествъ и самыя несчастія, отъ
ихъ слабостей производящія; доказы-
вають имъ ощутительно, что ихъ по-
роки, ихъ дурныя привычки, ихъ не-
бреженія, лѣность; недѣятельность, ,
праздность, легко могутъ превратиться
въ пресупленія, бѣдствія, позоръ
и самую гибель за собою влекущія.
Сіе все поселять въ сердца человѣ-
ковъ должно при ихъ воспитаніи; отъ
него прямо зависить и щастливая и
несщастливая участь человѣка.

